РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

(1878).

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Типографія П. А. Лебедева, Донская, т. Зоркиной
1878.

Юношескія воспоминанія принца Евгенія Виртембергскаго.

Генералъ отъ инфантеріи Русской службы, принцъ Евгеній Виртембергскій, сынъ одного изъ младшихъ братьевъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, родился 8-го Января 1788 г., скончался 16 Сентября 1857 года. Это была высокообразованная, симпатическая личность, истинный герой военнаго дѣла, въ тоже время чуждый Нѣмецкой чопорности и такъ называемой солдатчины. Онъ любилъ Россію, и Русскіе люди не могли не цѣнить его. Кажется, что въ немъ были тѣ привлекательныя черты, которыми любовались мы въ покойномъ графѣ Павлѣ Христофоровичѣ Граббе. Еще при жизни принца Виртембергскаго, въ 1846 году, появилась его книга о войнѣ 1812 года, въ которой онъ, будучи любимцемъ князя Кутузова, принималъ столь дѣятельное и славное участіе. Одинъ изъ его адъютантовъ, тоже служившій въ Русской службѣ, генералъ-маіоръ Гельдорфъ собралъ и привелъ въ порядокъ оставшіяся послѣ него автобіографическія Записки и напечаталъ ихъ въ 4-хъ книгахъ (Берлинъ 1861—1862). Посреди военныхъ описаній и подробностей, въ Запискахъ этихъ встрѣчается множество любопытныхъ извѣстій, такъ что можно удивляться, отчего до сихъ поръ они остаются недоступны Русскимъ читателямъ. Нижеслѣдующими извлеченіями будетъ пополненъ этотъ пробѣлъ въ нашей новѣйшей исторіографіи. *П. Б.*

Осень 1796 года не подарила меня ни однимъ радостнымъ солнечнымъ лучемъ. Мнѣ стыдно вспоминать о тогдашнемъ моемъ ребячески-возбужденномъ состояніи и о причинѣ этого возбужденія, надъ которою въ настоящее время я смѣюсь отъ души. Это былъ пріѣздъ Русскаго фельдъегеря. Какъ ни далекъ былъ я отъ предчувствія связи этого событія съ моими собственными судьбами, но оно живо потрясло меня. Охотно сознаюсь, что въ своихъ ребяческихъ мечтахъ я предназначалъ себя совсѣмъ не туда и отнюдь не для Русской службы, къ которой по истинѣ я относился въ то время совершенно безучастно.

Прибытіе фельдъегеря произвело тревогу какъ во мнѣ, такъ и во всѣхъ жителяхъ Карльсруэ [1]). Онъ присланъ былъ императоромъ Павломъ, который вступилъ тогда на престолъ и пожелалъ подтвердить свою всегдашнюю благосклонность къ моему отцу тѣмъ, что произвелъ меня въ Русскіе полковники. Тотъ же фельдъегерь привезъ моей матери орденъ св. Екатерины, украшенный алмазами.

[1]) Этого Карлсруэ, находящагося въ Силезіи, близъ города Оппельна и даже въ настоящее время весьма немноголюднаго, не должно смѣшивать съ извѣстнымъ большимъ городомъ въ Западной Германіи. П. Б.

У насъ ожидали сильнаго впечатлѣнія на мое дѣтское чувство отъ этого внезапно приключившагося мнѣ счастія. Дѣйствительно, впечатлѣніе было сильно, только вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ предполагалось. О моемъ новомъ чинѣ придумали объявить мнѣ торжественно и, чтобы скрыть отъ меня приготовленія къ торжеству, меня послали съ г-мъ Б. въ Бреславль, къ брату его, тамошнему золотыхъ дѣлъ мастеру. Возвратившись изъ его мастерской, я ничего не подозрѣвалъ о своемъ внезапномъ повышеніи. На ступеняхъ лѣстницы Карлсруйскаго замка встрѣтило меня юношество хвалебными пѣснями; дѣвушки, одѣтыя въ бѣлое, усыпали путь мой цвѣтами, а одна изъ нашихъ сценическихъ принцессъ произнесла мнѣ торжественную рѣчь. Но когда я узналъ о причинѣ всего этого торжества, то разразился потокомъ слезъ, за что чуть не высѣкли новаго полковника. Меня обозвали неблагодарнымъ; но я настаивалъ, что мнѣ хочется быть Прусскимъ гусарскимъ корнетомъ [2]), а вовсе не Русскимъ полковникомъ и что я чувствую себя слишкомъ незрѣлымъ для такого высокаго чина.

Въ тотъ же вечеръ на сценѣ театра былъ исполненъ въ честь мою прологъ, въ которомъ меня самого представляла дѣвица, одѣтая въ мое собственное платье. Пресловутый Гагеманнъ, нашъ театральный режиссеръ, авторъ многихъ пьесъ, придалъ мнѣ въ этомъ стихотвореніи, вѣроятно въ насмѣшку, наименованіе Петра, чтобы въ заключеніе произвести эффектъ такимъ выраженіемъ: «Изъ Петеньки выйдетъ со временемъ Петръ».

Но на меня ничто не дѣйствовало. Я былъ далекъ отъ высокихъ помысловъ и вовсе не думалъ ставить себѣ въ образецъ императоровъ. Новыя слезы и новые выговоры положили конецъ празднику. Я продолжалъ хныкать и кричать: «Этотъ оселъ дурачитъ меня своимъ Петромъ». По истинѣ, никогда трудъ г. Гагеманна не былъ хуже вознагражденъ. За одно съ г-омъ Б., причинявшимъ мнѣ въ это время всякаго рода непріятности, и другіе стали подчинять меня болѣе строгой дисциплинѣ. Мои роскошныя, низко спускавшіяся кудри обращены были въ туго заплетенную косу. Никогда почти я не чувствовалъ себя столь несчастливымъ, какъ въ это время, и признаюсь, къ стыду своему, что серьезно носился съ мыслію лишить себя жизни посредствомъ ножницъ.

Послѣдовавшее въ 1798 году производство меня въ генералъ-маіоры и шефы драгунскаго полка окончательно возложило на главу мою вѣнецъ мученика. Подобная причуда императора Павла по отношенію къ десятилѣтнему ребенку покажется невѣроятною; но мы знаемъ изъ исторіи достаточно примѣровъ такихъ же чудачествъ съ его сто-

[2]) Отецъ принца, тоже Евгеній, былъ извѣстнымъ генераломъ Прусской службы, также какъ и дѣдъ, прославившійся въ Семилѣтнюю войну и почти всю жизнь проведшій въ Прусскихъ владѣніяхъ, пока умеръ (1797) его старшій братъ, оставившій ему въ наслѣдство Виртембергское курфиршество. Этимъ объясняется, почему наша императрица Марія Феодоровна родилась въ Штетинѣ (1759). Н. Б.

роны. Будучи слѣпымъ почитателемъ Фридриха II-го, онъ преобразовалъ и обмундировалъ всѣ свои войска на старопрусскій манеръ, а потому и Русскіе полки, именовавшіеся прежде по городамъ и провинціямъ, обозначилъ именами командировъ. Затѣмъ легко могло случиться, что воспоминаніе о Вюртембергскомъ драгунскомъ полку, которымъ командовалъ мой дѣдъ въ Семилѣтнюю войну, внушило императору Павлу мысль окрестить этимъ именемъ бывшій Псковскій драгунскій полкъ. Вѣдь былъ же случай, что чашка кофею разрѣшила долго и тщетно искомую задачу объ опредѣленіи цвѣта обшлаговъ новаго пѣхотнаго полка. Весьма вѣроятно, что неожиданное открытіе моей маленькой особы въ спискахъ его арміи оказало въ этомъ случаѣ такую же важную услугу, и такимъ образомъ вполнѣ заслуженное чиноповышеніе обрушилось на меня внезапно съ облаковъ, какъ градъ во время бури.

Дѣйствительно, такая неожиданная милость императора Всероссійскаго положила предѣлъ всѣмъ дальнѣйшимъ соображеніямъ обреченной имъ жертвы: ибо таковою считалъ я себя. Теперь уже мало было одной косы; къ ней присоединили круто-завитые локоны, зеленый кафтанъ, узкій желтый жилетъ и такіе же панталоны, жесткіе сапоги съ золотыми шпорами. Мое прежнее веселое прыганье по полямъ и лѣсамъ замѣнилось пристойнымъ и мѣрнымъ прохожденіемъ замковой площади, на пути изъ моихъ комнатъ къ обѣду—главной цѣли возможнаго для меня, при обременительности этихъ оковъ, моціона; да и тутъ нерѣдко мой неизмѣнный спутникъ—палашъ, попадая мнѣ между ногъ, повергалъ меня на землю и такимъ образомъ наносилъ мнѣ спозаранку болѣе ранъ, чѣмъ впослѣдствіи нанесено ихъ моими руками врагамъ Россійской имперіи. Отъ этого произошло тоже самое, что̀ бываетъ съ растеніями, ростъ которыхъ задержанъ. Я страшно расплывался въ ширину [3]). Сознаніе, что я во всѣхъ отношеніяхъ обращаюсь въ каррикатуру, преслѣдовало меня на каждомъ шагу. Еслибъ я въ этомъ обстоятельствѣ могъ еще сомнѣваться, то меня убѣдили бы инспекторскіе смотры, на которые отецъ возилъ меня съ собою, какъ какого-нибудь рѣдкаго звѣря. Эскадронные командиры, чтобъ прислужиться своему начальнику, отражали къ маленькому генералу своихъ ординарцевъ; сіи послѣдніе, представляясь ему, какъ ни старались сохранить видъ служебной подчиненности, никакъ не могли удержаться отъ смѣха. Мало того, однажды на кантониръ-квартирахъ, недалеко отъ Бреславля, крестьянскіе мальчики забросали меня грязью, приговаривая: «Подожди ты, олухъ; мы тебя, Русскаго генерала, угостимъ Прусскою грязью!» Какъ ни былъ я благодушенъ, но пришелъ конецъ моему терпѣнію: въ первый разъ обнажилъ я палашъ и хватилъ имъ одного изъ непѣждъ по уху. Этотъ подвигъ былъ, однакожъ, очень плохо оцѣненъ моимъ гувернеромъ, и меня подвергли взысканію, которое, при кажущейся строгости, въ сущности утѣшило меня какъ Майское солнце: меня лишили на нѣсколько дней косы и всего воинскаго наряда. Какъ радъ былъ я своей

[3]) Позднѣе принцъ Евгеній отличался дородностью и небольшимъ ростомъ.

блузѣ, къ которой меня присудили! Мнѣ вспоминалось многое множество несчастныхъ преступниковъ, которыхъ безумный свѣтъ, за простое оскорбленіе глупыхъ его предразсудковъ, отправляетъ въ страну вѣчной свободы и тѣмъ оказываетъ имъ величайшее благодѣяніе. Право, никогда до такой степени не казалась мнѣ вѣрною мысль, выраженная однимъ Французскимъ поэтомъ въ слѣдующихъ стихахъ:

De Paris au Bengal,
Du Perou jusqu'à Rome
Le plus sot animal,
A mon avis, c'est l'homme [4]).

Все время съ 1798 до конца 1800 года отразилось въ моей памяти цѣлымъ рядомъ такихъ же болѣе или менѣе печальныхъ картинъ, и только нѣкоторыя любимыя занятія, особенно музыкальныя, и мое постоянно-живое участіе во всѣхъ происшествіяхъ политическаго міра вспоминаются мною за эти годы съ чувствомъ отраднымъ. Не могу при этомъ не упомянуть о томъ, что въ то время я безгранично обожалъ генерала Бонапарта и страхъ какъ боялся Русскихъ, что̀ было совершенно естественно, такъ какъ я приписывалъ имъ непріятныя стѣсненія, которымъ подвергали мою свободу. Этого отвращенія, внушаемаго Россіею, не могъ во мнѣ преодолѣть мой отецъ, нарочно выхвалявшій побѣды Суворова въ Италіи. Но за то я не раздѣлялъ восторга, который овладѣлъ поклонниками Франціи, когда пришло извѣстіе о битвѣ при Маренго: мнѣ было обидно, что Нѣмцевъ разбили. Тогдашніе Прусаки не признавали Австрійцевъ за соотечественниковъ; но я былъ совсѣмъ другаго мнѣнія. Повидимому, это патріотическое чувство было во мнѣ прирожденное; но впослѣдствіи оно переродилось въ ощущеніе космополитическаго характера и въ любовь ко всему человѣчеству.

Съ живымъ участіемъ прочелъ я осенью 1800 года «Исторію 30-ти лѣтней войны» Шиллера. Густавъ Адольфъ сдѣлался моимъ идеаломъ; но и «Семилѣтняя война» Архенгольца очень занимала меня. Часто представлялся моему воображенію, въ битвѣ подъ Прагою, любимецъ мой Вильгельмъ, женихъ-привидѣніе Леоноры, но только я не допускалъ въ немъ косы и локоновъ. Можетъ быть, по этой-то причинѣ я уже тогда рѣшилъ, что, если суждено когда-либо осуществиться моимъ мечтамъ объ авторствѣ, то предметъ моего перваго творенія будетъ взятъ изъ XVII-го столѣтія.

Прибытіе стараго Русскаго генерала, барона Дибича, разрушило всѣ мои планы и дало окончательное направленіе моему будущему поприщу.

Я не въ силахъ изобразить впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ маленькимъ, невыразимо-уродливымъ существомъ. Я сравнивалъ его съ болваномъ, что̀ въ цирюльняхъ служитъ для надѣванія париковъ, съ механической куклой, разгрызающей орѣхи, или съ тѣ-

[4]) Отъ Парижа до Бенгаліи, отъ Перу до Рима—самое глупое животное есть вездѣ, по мнѣнію моему, человѣкъ.

ми безобразными фарфоровыми фигурками, которыя ставятся иногда на обѣденные столы. Но все это было лишь слабымъ уподобленіемъ.

Уже одно извѣстіе о прибытіи Русскаго генерала потрясло всю мою нервную систему, и вдругъ появленіе этой каррикатуры, этого олицетворенія всѣхъ уродливостей, которыми обезобразилъ императоръ Павелъ свою армію!

Дибичъ служилъ нѣкогда юнкеромъ въ Прусскомъ полку, находившемся въ это время подъ командою Тиля и стоявшемъ въ Варшавѣ. Въ Семилѣтнюю войну онъ былъ уже офицеромъ и, раненый при Цориндорфѣ, маленькій, рыжеволосый забіяка, прославившій за храбрецъ и дѣльнаго офицера, обратилъ на себя вниманіе Фридриха Великаго, который приблизилъ его къ своей особѣ въ качествѣ квартермейстерскаго помощника. Въ царствованіе Фридриха Вильгельма II-го, Дибичъ, въ чинѣ маіора, командовалъ баталіономъ фузилёровъ. Онъ сталъ извѣстенъ какими-то изобрѣтеніями по военной части и получилъ, не знаю за какое сраженіе, орденъ pour le mérite, но не былъ любимъ въ Прусской арміи, гдѣ слылъ за пройдоху и мастера обдѣлывать дѣла свои. Въ одномъ королевскомъ предписаніи по ошибкѣ онъ былъ названъ подполковникомъ; онъ поспѣшилъ отблагодарить за производство и тѣмъ предупредилъ исправленіе ошибки. Мало того, онъ не замедлилъ возвѣстить о таковой королевской милости всему обществу офицеровъ и, по примѣру коронованныхъ особъ, отпраздновалъ счастливое событіе дарованіемъ пощады одному солдату, который былъ приговоренъ къ прогнанію сквозь строй. Выведенный на чистую воду и осмѣянный, онъ въ сердцахъ покинулъ Прусскую службу и переѣхалъ въ Россію, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ, который уже успѣлъ посидѣть за какой-то проступокъ въ крѣпости, въ Глацѣ. Дибичъ лишился на Рейнѣ другаго, подававшаго блестящія надежды, сына. Въ уваженіе этого обстоятельства былъ помилованъ оставшійся въ живыхъ. Старикъ горячо привязался къ младшему изъ своихъ сыновей, своему Ивану (впослѣдствіи фельдмаршалу), который считался въ это время Прусскимъ кадетомъ, прилежнымъ, много обѣщающимъ мальчикомъ. Его уже нѣсколько разъ вызывали изъ Пруссіи на Русскую службу.

Быстрымъ возвышеніемъ своимъ Дибичъ обязанъ былъ своему сочиненію, въ которомъ удачно изобразилъ особенности домашней жизни Фридриха II, и передалъ много о немъ анекдотовъ. Императоръ Павелъ пришелъ отъ этого въ восторгъ, и новый пришлецъ сдѣлался вскорѣ предметомъ особой внимательности Русскаго государя, къ странностямъ и причудамъ котораго Дибичъ успѣлъ отлично примѣняться, съ стоическимъ терпѣніемъ вынося всѣ его шутки и задирательства. Очень вѣроятно, что до пріѣзда своего въ Силезію Дибичъ самъ недоумѣвалъ, какую роль разыгрывалъ онъ при дворѣ Павла, роль любимца или шута. Очень можетъ быть, что того и другаго; тѣмъ болѣе, что въ глазахъ причуднаго самодержца роль шута была одною изъ почетнѣйшихъ должностей стараго добраго времени, когда, какъ говорили, голова подъ колпакомъ съ бубенчиками нерѣдко видѣла дальше головы, осѣненной вѣнцомъ. Но съ дру-

гой стороны Дибичъ и самъ былъ порядочный оригиналъ, настоящій характеръ котораго скрывался подъ крѣпкою оболочкою странностей. Мнѣ кажется, что природа создала его скорѣе добрымъ, чѣмъ злымъ; но будучи хвастуншкою въ высшей степени, онъ въ тоже время былъ лукавъ, остроуменъ, многознающъ. Наушникъ, рабъ по своимъ свойствамъ, онъ тѣмъ не менѣе одержимъ былъ честолюбіемъ и всегда готовъ былъ подставить ногу тому, кто стоялъ ему поперекъ на дорогѣ. Императоръ принялъ его въ свою свиту сначала подполковникомъ, потомъ полковникомъ, сослалъ его потомъ въ Сибирь, но на пути туда, въ Тверя, пріятно изумилъ его производствомъ въ генералы и назначеніемъ командиромъ тамошняго гарнизоннаго полка. Вскорѣ потомъ Дибичъ былъ снова призванъ склонять колѣна у подножія трона, но вмѣсто ожидаемаго удара отъ руки палачъ, онъ получилъ рыцарскій ударъ посвященія въ командоры Мальтійскаго ордена. Наконецъ онъ былъ сдѣланъ третьимъ начальникомъ Кадетскаго Корпуса, должность сама по себѣ незначительная, но доставившая ему честь постоянныхъ прямыхъ сношеній съ Государемъ. Такъ разсказывалъ мнѣ свою исторію безчисленное число разъ самъ Дибичъ—справедливо или нѣтъ, не знаю, но всякій разъ разсказъ его заключался припѣвомъ: «Императоръ мнѣ другъ».

Теперь возникаетъ вопросъ: дѣйствительно-ли Дибичъ былъ нарочно посланъ Павломъ I, чтобъ привезти меня въ Россію, или, случившись въ это время въ Германіи въ отпуску по собственному дѣлу, онъ пришелся кстати для исполненія прежнихъ приказаній Императора и желанія моихъ родителей? Что до него самого, то онъ всѣми силами старался убѣдить меня въ томъ, что онъ есть истинный представитель императорскаго величества, посредникъ его милостей, истолкователь его воли, настоящій посолъ, уполномоченный непосредственно навсегда усвоить мою особу Сѣверной Имперіи.

Какъ скоро Дибичъ появился въ Карльсруэ, не было ни о чемъ болѣе рѣчи, какъ о предстоящемъ моемъ отъѣздѣ въ С.-Петербургъ, и снаряженіе этой эмиграціи поглотило собою всю дѣятельность моихъ домашнихъ. Хлопоты о приготовленіи меня къ конфирмаціи сбили съ ногъ нашего стараго школьнаго инспектора Регели (Rhegely) и, чтобы не отстать отъ него въ усердіи, я рѣшился вызубрить исповѣданіе вѣры, т. е. цѣлыхъ 50 страницъ. Нѣкто бѣжавшій изъ Французскаго плѣна, Русскій канцеляристъ былъ назначенъ мнѣ учителемъ Русскаго языка, а пользованіе насущнымъ хлѣбомъ было обусловлено для меня тѣмъ, чтобы въ теченіи каждаго часа я заучивалъ по 10-ти Русскихъ словъ и по два предложенія. Учитель военныхъ наукъ долженъ былъ обучать меня тактикѣ и фортификаціи и передъ отходомъ ко сну экзаменовать въ военной терминологіи по биркѣ, и если количество моихъ отвѣтовъ не соотвѣтствовало числу черточекъ на биркѣ, то недостающее отсчитывалось мнѣ ударами по пальцамъ. Короче, было приложено всевозможное стараніе, чтобы сдѣлать изъ меня попутчика, котораго можно было-бы рекомендовать его новому хозяину совсѣмъ готовымъ и не требующимъ дальнѣйшей дрессировки. Но изо всѣхъ моихъ мучителей самая трудная

должность досталась на долю парикмахера. Его тяжелая подневная работа имѣла почти неразрѣшимою задачею приведеніе моихъ кудрей въ совершенное подобіе парику генерала Дибича. Я былъ низведенъ на степень барана, который, послѣ многоверстнаго мучительнаго переѣзда въ телѣгѣ мясника, поступаетъ наконецъ на бойню. Ну, думалъ я, хуже этого ужъ не будетъ!

За неудавшійся проэктъ относительно ножницъ я, согласно старинному Прусскому закону, по которому всякій неудачный самоубійца считался за дезертира, посягнувшаго на похищеніе у короля его собственности, т. е. своей души, былъ подвергнутъ такому строгому наказанію, что, сдѣлавшись весьма чувствительнымъ къ страданіямъ временной жизни, никогда болѣе не смѣлъ и помышлять о побѣгѣ въ вѣчность.

За то меня обуялъ демонъ другаго рода: во мнѣ пробудилась склонность къ сатирѣ, существованія которой я до сихъ поръ и не подозрѣвалъ въ себѣ. За причиненное мнѣ зло я сталъ мстить малою войною, которую втайнѣ объявилъ всѣмъ людскимъ предразсудкамъ.

Мнѣ легка была разлука — не говорю съ родителями, братомъ и сестрой *), или съ городомъ Карльсруэ — но съ противной моей домашней обстановкой. Мое новое поприще я считалъ жертвой, приносимой интересамъ моихъ родителей, и эта мысль укрѣпляла меня въ христіанской покорности судьбѣ. Родители мои сами внушили мнѣ это убѣжденіе, видя въ немъ сильнѣйшее средство побудить меня къ дальнѣйшему самоотверженію; ибо они горячо любили меня и не сомнѣвались въ моей неограниченной привязанности къ нимъ, не смотря на то, что я воздержался отъ слезъ и съ иронической улыбкой смотрѣлъ впередъ въ неблагопріятную будущность.

14 Января (1801) я простился съ ними, напутствуемый благословеніями всѣхъ жителей Карльсруэ, и сначала ожидалъ, что вотъ-вотъ совсѣмъ застыну отъ холода; но мало по малу мысли мои обогрѣлись, и я затянулъ пѣсенку:

Malborough s' en va-t-en guerre;
Dieu sait quand reviendra *).

Съ генераломъ Дибичемъ и его дочерьми, которыхъ онъ увозилъ изъ Силезіи въ Россію, я долженъ былъ съѣхаться въ Варшавѣ. Самъ же я былъ порученъ непосредственному надзору Прусскаго ротмистра фонъ-Требры, и кромѣ того ко мнѣ были приставлены бывшій ротный хирургъ, слуга и старый гусаръ.

Какая-то особенная злая судьба тяготѣла надъ руководителями моей юности. Столкновенія между обоими ревнивыми педагогами были неизбѣжны; ротмистръ, подвергшій сомнѣнію авторитетъ генерала, подалъ первый поводъ къ несогласіямъ и раздору.

---

*) Младшій братъ мой Павелъ (отецъ великой княгини Елены Павловны), родился въ 1785, а сестра Луиза—въ 1789 году.

*) Мальбругъ въ походъ поѣхалъ,
Богъ вѣсть, когда вернется!
I, 4.

Русскій архивъ 1878.

Я не любилъ г. фонъ-Требру по слѣдующей причинѣ. Будучи моимъ первымъ военнымъ учителемъ, онъ старался запискать во мнѣ тѣмъ, что, когда отецъ увлекался формалистикою и туго закручивалъ мнѣ косу на самомъ темени, считая это отличительнымъ признакомъ хорошаго солдата, Требра всегда нѣсколько распускалъ ее сверху. Я плакалъ и кричалъ отъ операціи, которой подвергалъ меня отецъ, но тѣмъ не менѣе соболѣзновательная предупредительность моего учителя казалась мнѣ незаконною. Съ тѣхъ поръ я пересталъ питать довѣріе къ этому человѣку и не ошибся; потому что онъ сбросилъ маску, лишь только городъ Карльсруэ остался позади насъ, и выказалъ себя не только холоднымъ и безучастнымъ ко мнѣ, но и враждебно-настроеннымъ къ дорогимъ мнѣ лицамъ. Все же мнѣ нравилось, что онъ не льстилъ мнѣ, какъ генералъ Дибичъ; а потому легко можетъ быть, что его обращеніе со мной было скорѣе дѣйствіемъ какой-нибудь невѣдомой мнѣ воспитательной системы, чѣмъ его дурного характера. Состоя сначала въ Саксонской, потомъ въ Голландской и наконецъ въ Прусской службѣ, Требра изъ-за ссоры съ товарищемъ покинулъ полкъ моего отца; но, вступивъ въ бракъ съ фрейлиной моей матери, получилъ доступъ въ нашъ домъ. 36-ти лѣтъ отъ роду, высокій и статный, съ серьезнымъ и лукавымъ выраженіемъ въ глазахъ, онъ казался столь же привлекательнымъ, какъ и внушительнымъ. Въ разговорѣ онъ умѣлъ придавать своимъ словамъ вѣсъ и обнаруживалъ обширныя познанія. Одной изъ его любимыхъ темъ была философія Канта.

Варшава, внезапно открывшись глазамъ моимъ среди окружающей ее пустыни, представляла собою величественное зрѣлище, а въ нѣдрахъ своихъ множество утѣхъ. Этотъ саркофагъ падшаго величія, этотъ вполнѣ Славянскій городъ, осужденный содержать и угощать пришельцевъ, совершенно для него чуждыхъ, навѣялъ на меня много философскихъ думъ. Сколько хотите разсуждайте о тамошней неурядицѣ, которая была причиною паденія Польши, а мнѣ все-таки противна была эта недавняя чужеземная прививка къ старому, гніющему стволу. Всѣ эти Прусскіе чиновники, получавшіе скудное жалованье и какъ шершни облѣпившіе чужое добро, чтобы высосать изъ него послѣдніе жалкіе остатки меда, пощаженные Жидами, эта Сальдерновская военная дисциплина съ Нѣмецкими командными терминами, вся эта провинціальная мелочность, которую Прусаки насильственно навязывали доставшейся имъ странѣ, все это, казалось мнѣ, подлежало очистительному изгнанію за одно съ Еврейскою поганью, отъ которой такъ страдала Польша. Въ Варшавѣ я въ первый разъ былъ чествуемъ въ высшемъ обществѣ, именно въ антинаціональномъ кружкѣ, собиравшемся у тамошняго губернатора, генерала фонъ-Келера, человѣка добраго и всѣми любимаго.

Въ гостинницѣ, гдѣ мы остановились и нашли генерала Дибича, произошла первая распря между обоими моими приставниками, которая съ тѣхъ поръ то и дѣло возобновлялась, подобно ссорѣ двухъ обозныхъ служителей изъ-за украденнаго барана.

Дочери генерала сравнительно со мною были уже зрѣлыя дѣвушки, но онѣ оказывали мнѣ дружеское участіе, о которомъ я вспоминаю съ благодарностію. Дальнѣйшее путешествіе въ ихъ обществѣ происходило для меня пріятнѣе чѣмъ до сихъ поръ, но до Русской границы не представило ничего замѣчательнаго.

Когда наконецъ взорамъ моимъ представился городъ Гродна, возвышающійся на гребнѣ холмовъ по ту сторону Нѣмана, сердце мое сильно забилось, и опасенія, уже давно возбужденныя мыслію о Русской неволѣ, до такой степени стѣснили мою грудь, что я почти задыхался. Еще шагъ, и прощай на вѣки моя свобода! Такъ думалъ я. Но этотъ шагъ съ парома на берегъ, который долженъ былъ привести меня въ воображаемое подземное царство тьмы и всякихъ мукъ, былъ прегражденъ распоряжавшимся въ этомъ мѣстѣ казацкимъ офицеромъ. Генералъ Дибичъ кричалъ, бѣсился, ссылался на особыя императорскія приказанія; казакъ указывалъ на неудовлетворительность нашихъ паспортовъ и на свою должность. Наконецъ прибѣжалъ, задыхаясь и разсыпаясь въ извиненіяхъ, таможенный инспекторъ, баронъ фонъ-Гирсъ, вѣроятно предувѣдомленный о предстоявшемъ моемъ появленіи. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, дождаться, какъ говорилъ онъ, извѣщенія мѣстныхъ властей и приготовленій къ моему торжественному пріему: по увѣренію генерала и его дочерей (съ которыми не соглашался г. фонъ Требра), состоялось высочайшее повелѣніе встрѣчать меня повсюду съ почестями, присвоенными членамъ императорской фамиліи.

Дѣйствительно, вскорѣ на улицахъ поднялась суматоха. Не успѣлъ я одѣться и убраться, какъ явился второй начальникъ Гродненскаго Кадетскаго Корпуса, полковникъ баронъ Эльснеръ; онъ повторилъ мнѣ извиненія отъ имени всѣхъ властей и только тогда успокоился, когда генералъ Дибичъ изъявилъ ему свое удовольствіе за выказанное рвеніе и пообѣщалъ не взыскивать съ обитателей Гродны за то, что они не ожидали насъ цѣлыхъ восемь дней, стоя по колѣна въ снѣгу.

Наконецъ приблизилась длинная процессія военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, въ полной парадной формѣ, предводимая командиромъ квартировавшаго въ Гроднѣ мушкатерскаго полка, генераломъ, который говорилъ только по-русски. Онъ подалъ мнѣ письменный рапортъ, послѣ чего я, въ сопровожденіи всѣхъ сановниковъ, былъ препровожденъ на приготовленную мнѣ въ городѣ квартиру. Здѣсь я былъ встрѣченъ прекрасною молодою Полькою; но ея радушное привѣтствіе было тотчасъ же прервано множествомъ ординарцевъ и дежурныхъ офицеровъ, явившихся, чтобы представиться мнѣ. Затѣмъ послѣдовалъ роскошный ужинъ при соучастіи множества незнакомыхъ мнѣ знатныхъ гостей. За ужиномъ я занялъ мѣсто возлѣ моей прекрасной хозяйки. Образъ ея снился мнѣ потомъ ночью. На слѣдующее утро мнѣ были представлены офицеры гарнизона. Я встрѣтилъ между ними много приличныхъ молодыхъ людей, изъ которыхъ большая часть была хорошо образована; почти всѣ владѣли Французскимъ языкомъ; въ числѣ ихъ было нѣсколько Лифляндцевъ, хорошо

говорившихъ по-нѣмецки. Не смотря на пристрастіе императора Павла къ старопрусскому костюму, который всюду бросался въ глаза, я и подъ этою внѣшностью замѣчалъ свойственное Русскимъ изящество. Меня посѣтили потомъ всѣ гражданскіе чиновники и представители дворянства въ форменныхъ мундирахъ, и тутъ я убѣдился, что тогдашніе Русскіе Поляки гораздо равнодушнѣе относились къ постигшей ихъ участи, чѣмъ жители Прусской Польши, и что они были преданы императору Павлу. Напротивъ того, Русскіе отзывались о немъ, какъ о строгомъ властителѣ.

Парадъ мушкатерскаго полка, во время котораго генералъ оказывалъ мнѣ всяческія почести, произвелъ на мое юношеское воображеніе вполнѣ пріятное впечатлѣніе, и хотя каждый отдѣльно взятый солдатъ, въ зимнемъ одѣяніи съ голубыми лацканами и обшлагами, въ узкихъ бѣлыхъ штанахъ съ высокими черными ботфортами, съ галунною шляпою, низко надвинутою на лице поверхъ густо напудренной прически и длинной косы, былъ ничто иное, какъ размалеванная каррикатура, тѣмъ не менѣе въ общемъ видъ ихъ былъ внушителенъ, почти воинственъ. Замѣтить надобно, что именно этому самому полку, впослѣдствіи получившему названіе Муромскаго, предопредѣлено было судьбою выдержать столько жаркихъ сраженій подъ моимъ начальствомъ; тогда же я далекъ былъ отъ предчувствія, что многимъ изъ этихъ цвѣтущихъ молодыхъ людей суждено будетъ умереть на моихъ глазахъ.

Воинскія занятія во время моего пребыванія въ Гродно поочередно смѣнялись то осмотромъ тамошнихъ заведеній (наприм. Кадетскаго Корпуса, гдѣ въ моемъ присутствіи производились экзамены въ Нѣмецкомъ языкѣ), то большими ассамблеями и балами, на которыхъ моя прекрасная хозяйка поставляла себѣ въ обязанность знакомить меня съ прекрасною половиною общества, съѣхавшагося изо всей окрестности. Итакъ не скрою, что пребываніе въ первомъ Русскомъ губернскомъ городѣ успѣло уже бросить болѣе утѣшительный свѣтъ на будущность, представлявшуюся мнѣ доселѣ въ столь мрачномъ видѣ. Правда, всѣ эти непривычные мнѣ публичные парады и господствовавшая на нихъ принужденность были мнѣ по прежнему въ высшей степени противны и тягостны; но меня вознаграждала за то особенная благосклонность моей прекрасной хозяйки, которая, между четырехъ глазъ, отбросивъ въ сторону всякіе этикеты, прижимала маленькаго генеральчика къ груди своей, съ особенною нѣжностію гладила его по головкѣ и старалась ему втолковать, что въ мірѣ семъ сладкія эссенціи никогда не доводится глотать безъ примѣси къ нимъ нѣкоторой доли болѣе горькихъ экстрактовъ, но что это не должно отвращать отъ наслажденія. Поэтому, въ самый день этого разговора, я отъ души танцовалъ и чувствовалъ себя блаженнымъ.

Такимъ образомъ, когда послѣдовалъ сигналъ къ дальнѣйшему слѣдованію, разставаніе сдѣлалось для меня тяжело; да и дѣйствительно, то, что мнѣ предстояло испытать въ зимнюю ѣзду на курьерскихъ, составляло рѣзкую противоположность съ Гродненскими празд-

ествами. Отсюда до Риги я только и видѣлъ одни несносныя, военныя представленія, при чемъ картины въ Гогартовскомъ родѣ попадались такъ часто, что надоѣдали мнѣ до тошноты. Самый день отъѣзда изобиловалъ подобными мученіями и, начиная съ завтрака у коменданта до ночнаго въѣзда въ Мерецъ, съ казачьимъ конвоемъ и факельнымъ освѣщеніемъ, я долженъ былъ претерпѣвать истинную пытку. За завтракомъ, между прочимъ, непріятно были поражены мои музыкальныя способности. Военные пѣсенники оглушали меня, и выведенный изъ терпѣнія этимъ гамомъ, я воскликнулъ: «Да это несноснѣе собачьяго воя!»—«Настоящая Русская музыка», самодовольно возразилъ мнѣ комендантъ.

Въ Ригѣ встрѣтилъ я двухъ своихъ дядей, Людвига и Александра, и тетку; въ ихъ объятіяхъ я спасался отъ черезъ-чуръ тягостныхъ церемоній: ибо какъ малое свѣтило затемняется большимъ, такъ и я посреди этихъ высокихъ особъ былъ избавленъ отъ поклоненія. За исключеніемъ нѣсколькихъ парадовъ (между прочимъ полка, названнаго впослѣдствіи Таврическимъ, котораго я сдѣлался шефомъ, когда императоръ Александръ перевелъ меня въ пѣхоту), я раздѣлался съ Ригою довольно дешево. Дядя, герцогъ Людвигъ Виртембергскій, увѣрялъ меня, что императоръ Павелъ очень любитъ моего отца и что поэтому я долженъ ожидать себѣ большихъ милостей, что̀ повидимому подтверждалось собственноручнымъ письмомъ Императора, которое я получилъ на почтовой станціи Тормѣ въ Эстляндіи, въ которомъ онъ выражалъ свое удовольствіе по поводу моего ожидаемаго пріѣзда.

Вечеромъ 6 Февраля новаго стиля (1801 г.), прибылъ я въ С.-Петербургъ. Меня привезли въ зданіе Перваго Кадетскаго Корпуса на Васильевскомъ острову. Здѣсь я былъ встрѣченъ множествомъ разодѣтыхъ офицеровъ и служителей, которые со свѣчами въ рукахъ проводили меня въ богатоубранныя комнаты. Въ первой изъ нихъ былъ накрытъ на три прибора великолѣпно сервированный столъ. Вскорѣ потомъ вошелъ генералъ, весь въ звѣздахъ и также въ мундирѣ Кадетскаго Корпуса. Онъ отрекомендовался мнѣ первымъ директоромъ онаго, княземъ Платономъ Зубовымъ. Этотъ знатный и въ царствованіе Екатерины очень вліятельный и могущественный человѣкъ съ первыхъ словъ сталъ завѣрять меня въ своей преданности и просить моихъ приказаній. Сначала я ощутилъ немалое поползновеніе поцѣловать его руку, потому что г. фонъ-Требра увѣрилъ меня, что я буду воспитываться, какъ простой кадетъ и, слѣдовательно, я долженъ былъ видѣть въ князѣ своего начальника. Но генералъ Дибичъ не только удержалъ меня отъ этого, а даже, заслышавъ мое первое обращеніе къ князю, шепнулъ мнѣ на ухо: «Этого господина (den Kerl) не надо величать свѣтлостью». Тутъ онъ былъ неправъ, потому что Екатерина доставила Платону Зубову имперское княжество.

Я пріободрился и постарался какъ можно пріятнѣе занять этого очень любезнаго царедворца. Мнѣ кажется, что онъ разстался со мною вполнѣ довольный своимъ посѣщеніемъ; но едва онъ отвернулся отъ меня, какъ генералъ Дибичъ, схвативъ меня за руку, вскри-

чалъ: «Да знаете-ли вы, что это за человѣкъ? Это одинъ изъ извѣстнѣйшихъ любимцевъ императрицы Екатерины; но теперь они въ упадкѣ. При дворѣ передъ нимъ не извольте слишкомъ расточать вашихъ любезностей!» Я возразилъ, что въ придворныхъ сплетеніяхъ я еще неопытенъ, какъ крестьянскій мальчикъ.

На другой день рано меня разбудилъ парикмахеръ и соорудилъ на головѣ моей цѣлое зданіе изъ пудры и помады. Потомъ меня облекли въ совершенно новый свѣтлозеленый драгунскій мундиръ, съ краснымъ воротникомъ и обшлагами и съ золотымъ аксельбантомъ. Въ остальныхъ подробностяхъ нарядъ мой былъ такой же, какъ и тотъ, который привлекъ ко мнѣ вниманіе уличныхъ мальчишекъ; только надобно замѣтить, что вслѣдствіе поспѣшности обмундированія почти всякая часть туалета оказалась несоотвѣтствующею размѣрамъ моихъ членовъ.

Едва успѣлъ я убраться, какъ мнѣ донесли о пріѣздѣ графа Кутайсова. Этотъ господинъ, въ красномъ мундирѣ Мальтійскаго ордена, съ бѣлоснѣжнымъ хохломъ, какъ у попугая, былъ первымъ любимцемъ Государя. Турокъ по происхожденію, въ малолѣтствѣ попавшійся въ плѣнъ, онъ выросъ на глазахъ Императора въ числѣ низшей придворной прислуги и былъ возведенъ въ камердинеры, потомъ въ оберъ-гофмейстеры. Въ Россіи его ненавидѣли, но по-напрасну, такъ какъ ничѣмъ не доказано, чтобъ онъ сдѣлалъ какое-либо зло. Онъ показался мнѣ добродушнымъ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ имени Императора освѣдомиться о моемъ здоровьѣ и проводить меня къ нему на аудіенцію.

Я тотчасъ же отправился съ генераломъ Дибичемъ въ Михайловскій дворецъ, недавно выстроенный Павломъ I-мъ близъ Марсоваго поля. Видъ новаго царскаго мѣстопребыванія, эта выкрашенная красной краской каменная масса, окруженная экзерцпргаузами, представлялъ собою явную противоположность колоссальному зимнему дворцу, мимо котораго я только-что проѣхалъ. Тоже можно сказать и о невзрачной статуйкѣ Петра Великаго, находившейся у подъѣзда Михайловскаго дворца сравнительно съ памятникомъ, сооруженнымъ въ честь основателя Русскаго могущества Екатериною Второю близъ Невскаго моста на Сенатской площади. Этимъ памятникомъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, я любовался.

Но всѣ эти размышленія разлетѣлись въ прахъ, лишь только наша карета съ громомъ подкатила ко дворцу, и одинъ взглядъ на поблѣднѣвшее лицо моего спутника далъ мнѣ понять всю важность предстоящей рѣшительной минуты. Въ самомъ дѣлѣ, судорожная дрожь моего старика заставляла опасаться за его существованіе. Прикосновеніе его холодной руки, напомнившее мнѣ командора въ Донъ-Жуанѣ, убѣждало меня, что Дибичъ напрасно толковалъ мнѣ, будто Государь ему другъ: въ такомъ состояніи не приближаются къ друзьямъ своимъ.

Въ то время, какъ я все это соображалъ, меня высадили изъ кареты, въ которой я, можно сказать, почти-что лежалъ на лонѣ моего терпѣливаго гофмейстера, такъ какъ сидѣть не было возможности, по причинѣ высокихъ моихъ ботфортовъ. Потомъ стали мы маленькими прыжками подниматься по лѣстницѣ, и его дрожащее превосходительство воспользовалось этимъ медленнымъ восхожденіемъ для преподанія мнѣ всякаго рода наставленій. Наконецъ, пройдя цѣлый рядъ залъ и великолѣпныхъ покоевъ, мы достигли заповѣдныхъ дверей. Дибичъ боязливо творилъ молитву: «Боже, буди къ намъ милостивъ!» (Nun, Gott sei uns gnädig); двери растворились, и предо мною въ очію предсталъ Императоръ, совершенно такой, какимъ я уже давно зналъ его по множеству портретовъ. Это былъ сухопарый человѣкъ средняго роста, съ крайне-невзрачными чертами блѣдножелтаго лица; крошечные глаза, верхняя губа обвисла, нижняя выпятилась впередъ, носъ короткій и приплюснутый. На немъ былъ старомодный, синевато-зеленый мундиръ съ простымъ краснымъ воротникомъ и такими же обшлагами, безъ лацкановъ, безъ золотыхъ пуговицъ и эксельбантовъ, и бѣлаго сукна панталоны въ высокихъ ботфортахъ. Голова густо напудрена, но коса не очень длинна. Въ прорѣзи мундира вдѣта шпага. Одежда Императора не имѣла шитья, но лѣвая сторона груди была украшена двумя звѣздами. Не смотря на странное и непріятное впечатлѣніе, производимое его внѣшностью во всей ея совокупности, взоръ Императора не имѣлъ ничего устрашающаго и даже показался мнѣ добрымъ.

По данному мнѣ наставленію, я долженъ былъ преклонить одно колѣно передъ Самодержцемъ, но это никакъ мнѣ не удавалось. Напрасно силясь согнуть жесткое голенище высокой ботфорты на лѣвой ногѣ, я внезапно рухнулся на оба колѣна. Отъ Императора не укрылось, чего стоило мнѣ все это усиліе и какъ твердо преодолѣвалъ я оное. Онъ улыбнулся, поднялъ меня обѣими руками вверхъ, опустилъ на стулъ и сказалъ своимъ особеннымъ хриплымъ голосомъ: «Садитесь, милостивый государь! Какъ вы провели ночь у насъ? Что вамъ снилось?»

Отвѣтъ мой: «Ничего, Ваше Величество!» повидимому, совершенно поразилъ генерала Дибича.

— «Да, да», поспѣшилъ я прибавить, подмигивая Дибичу: «Я слишкомъ усталъ, и потому не видѣлъ никакого сна».

Дибичъ поблѣднѣлъ; но такъ какъ Императоръ принялъ мой отвѣтъ милостиво, то взоръ его прояснился.

— «Вамъ понравится у насъ», сказалъ Павелъ, оглядывая меня съ ногъ до головы. «Сколько вамъ лѣтъ?»

— «Тринадцать, Ваше Величество».

— «Видѣли свѣтъ?»

— «Я имѣлъ честь вамъ доложить, что увидѣлъ его тринадцать лѣтъ тому назадъ».

— «Не о томъ рѣчь», возразилъ съ улыбкою Императоръ; «я спрашиваю, случалось ли вамъ путешествовать? Видали-ль людей и....?

На этомъ я прервалъ его. Дибичъ поблѣднѣлъ снова; но я, не обращая на него вниманія, объявилъ, что мало еще видалъ постороннихъ людей и никогда почти не покидалъ своего мѣстожительства; «но», прибавилъ я, «люди вездѣ одинаковы, и здѣсь такіе же, какъ у васъ».

— «Я этому радъ», возразилъ отъ души засмѣявшись Императоръ, и черты Дибича озарились счастіемъ. «Я радъ, что вы такъ скоро освоились съ нами; а чего еще не знаете, тому скоро научитесь».

— «Ахъ, Боже мой!» воскликнулъ я. «Жизнь слишкомъ коротка, чтобы научиться всему, чему мы должны и чему хотѣли-бы научиться».

— «Браво!» вскричалъ Императоръ, значительно взглянувъ на Дибича и милостиво подмигнувъ ему. Затѣмъ онъ быстро всталъ со стула и, пославъ мнѣ поцѣлуй рукою, вышелъ приговаривая: «Очень радъ, милостивый государь, вашему знакомству. Подождите: я доложу объ васъ Императрицѣ».

До слезъ разстроганный Дибичъ воспользовался этимъ промежуткомъ, чтобы дать исходъ переполнившимъ его чувствамъ. «Благодареніе Богу! Государь къ намъ милостивъ!» воскликнулъ онъ. И правда, въ это время онъ не проявилъ ни малѣйшаго слѣда болѣзни, въ существованіе которой меня посвятила нескромность дяди моего въ Ригѣ. Онъ говорилъ со мной по-нѣмецки совершенно чисто и былъ любезенъ, нисколько не роняя своего императорскаго достоинства.

Императрица приняла меня радушно. Эта 40 лѣтняя женщина имѣла величественную осанку, и на первый взглядъ, въ особенности издали, въ ней было больше торжественной важности, чѣмъ привѣтливости. Глаза ея сверкали, и выраженіе лица мѣнялось; но при ближайшемъ знакомствѣ оказывалось, что самыми кроткими чувствами одушевлялись прекрасныя, правильныя и какъ зеркало свѣтлыя черты ея лица. Она была высокаго роста, крѣпкаго, но въ тоже время изящнаго сложенія; всегда безукоризненный нарядъ, въ соединеніи съ прекраснымъ станомъ, придавалъ ей видъ молодости.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня она остановилась и сказала своему супругу, пристально глядя на меня: «Il a l'air bien nourri!» [7]). Императоръ отвѣчалъ: «C'est un joli garçon» [8]).

Слыша, что разговоръ ведется по-французски, я поспѣшилъ проговорить на этомъ языкѣ привѣтствіе, которое затвердилъ со словъ г. Рикордо и дѣвицы Беллондъ. Императоръ прервалъ меня и поспѣшно спросилъ:

Это вы дома изучились такъ хорошо говорить по-французски?

— У Француза, Ваше Величество.

— Ну, такъ вы скоро научитесь и по-русски.

— Трудно.

— Почему вы это знаете?

— Отъ моего Русскаго учителя.

— Развѣ онъ нашелся у васъ въ Карльсруэ?

— Точно такъ, Ваше Величество.

— Ну, право, это прекрасно! вскричалъ Императоръ, хлопая въ ладоши и, обратясь къ моей тетвѣ, сказалъ: «А наши молокососы весь свѣтъ изъѣздили и не привезли съ собой столько, какъ этотъ ребенокъ, воспитанный дома!»

[7]) Онъ прездорокенькій!

[8]) Да, онъ красивый мальчикъ.

Едва владѣя собою, я черезъ чуръ развязно вмѣшался въ разговоръ: «Ваше Величество совершенно ошибаетесь; я боюсь, что не выдержу экзамена, но буду прилежно учиться и, можетъ быть, наверстаю то, чего мнѣ недостаетъ».

— Браво, браво! повторялъ Императоръ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ почти безпрерывно, и потомъ сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній относительно путешествій. Тутъ я необдуманно обнаружилъ одно знаніе, запечатлѣнное въ моей памяти разговорами съ г. фонъ-Треброю; оно повлекло за собой такую неблагопріятную перемѣну атмосферы, что улыбающееся мнѣ солнце чуть было не затмилось навсегда. «Знаете, Ваше Величество», сказалъ я, «путешествія не дѣлаютъ человѣка умнѣе».

— Почему вы такъ думаете? спросилъ Павелъ съ улыбкою.

— Да потому (возразилъ я, почти удивленный, что Императоръ могъ еще въ этомъ сомнѣваться), что Кантъ никогда не выѣзжалъ изъ Кенигсберга, а мысль его обнимала весь міръ.

При этихъ словахъ лице Императора омрачилось. Быстро смѣнявшіяся одно другимъ ощущенія, подобно издали приближающейся грозѣ, обнаружились припадкомъ одышки, и вдругъ онъ сильно топнулъ ногою.

— А что такое, маленькій человѣчекъ, знаете вы о Кантѣ? сурово спросилъ онъ меня.

Къ счастію, какъ молнія блеснула въ головѣ моей мысль о рѣшительномъ отвращеніи Павла ко всѣмъ философамъ. Эта мысль, придя ко мнѣ на помощь, оказала мнѣ услугу, и колебавшіеся вѣсы императорскихъ милостей окончательно потянулись на мою сторону.

— Я ничего не знаю объ его твореніяхъ, Ваше Величество, отвѣчалъ я,—они для меня іероглифы; но онъ самъ сдѣлался историческимъ лицомъ, и его не обходятъ молчаніемъ въ классахъ исторіи.

Я попалъ прямо въ цѣль. Императоръ судорожно расхохотался. C'est excellent! [9]), повторилъ онъ по крайней мѣрѣ тысячу разъ, схватилъ меня за обѣ руки, сильно потрясъ ихъ, повернулся потомъ какъ-то судорожно къ Императрицѣ, снова захохоталъ изо всей мочи и, какъ бы довольный собою, ударилъ себя нѣсколько разъ въ грудь.

— Savez-vous que ce petit drôle a fait ma conquête? [10]), сказалъ онъ и вышелъ, пославъ еще разъ мнѣ рукою поцѣлуй и напѣвая какія-то трели.

Слова: «J'en suis charmée» [11]) замерли на устахъ моей встревоженной тетушки. Слѣдя за удаляющимся Императоромъ, она, казалось, съ безпокойствомъ вдумывалась въ причину этой странной выходки. Потомъ, обратясь ко мнѣ, она произнесла скороговоркой, полу-кротко, полу-серьезно и слегка грозя мнѣ пальцемъ: «А все же ты маленькій смѣльчакъ! Сыночекъ мой, вѣдь здѣсь слова взвѣшиваются

[9]) Превосходно!

[10]) Знаете ли вы, что этотъ маленькій чудакъ совершенно завоевалъ себѣ мое расположеніе?

[11]) Я въ восхищеніи.

строже, чѣмъ въ Карльсруэ. Да и вообще ребенку приличнѣе молчать, чѣмъ слишкомъ много говорить. Прими это къ свѣдѣнію, если хочешь быть счастливъ».

— Ахъ! возразилъ я,—внѣ отечества для меня нѣтъ счастія; но воля родителей для меня священна.

— Это хорошо съ твоей стороны, а потому молчи, коль скоро ихъ любишь.

— Хорошо, я буду нѣмъ, какъ рыба; но смѣю ли сказать еще одно слово въ мое оправданіе?

— Ну, что такое?

— Притворно-наивный тонъ будетъ мнѣ не по душѣ.

— Кто тебя принуждаетъ къ тому?

— Генералъ Дибичъ, который того мнѣнія, что его любилъ Фридрихъ II, и слѣдовательно.....»

При этихъ словахъ Императрица вздрогнула, какъ отъ электрическаго удара, зажала мнѣ рукою ротъ и вскричала:

— Ради Бога, только не надо подобныхъ разсужденій! Ты доброе, невинное дитя; но тебя надо заботливо охранять, чтобъ ты не обжегся на огнѣ.—При этомъ она съ любовію прижала меня къ себѣ и нѣжно поцѣловала; я вполнѣ сознавъ, что слова ея проистекли прямо изъ сердца и что этимъ движеніемъ она какъ бы хотѣла укрыть меня въ своихъ объятіяхъ отъ невзгодъ, о существованіи которыхъ въ то время я и не подозрѣвалъ.

Вѣрно то (въ чемъ я уже тогда былъ совершенно убѣжденъ), что я внезапно и незаслуженно пріобрѣлъ благорасположеніе этой столь непохожей другъ на друга царственной четы.

*

Во мнѣ, ребенкѣ, вдругъ признали новаго царскаго любимца, и ничто такъ не подтверждало этого мнѣнія, какъ низкіе поклоны придворныхъ.

Когда я съ генераломъ моимъ сходилъ съ лѣстницы, то онъ, задыхаясь отъ счастія, бросался мнѣ на шею, и при этомъ радостномъ движеніи съ него слетѣлъ парикъ. Готовность, съ которою я поспѣшилъ услужить ему, поднявъ парикъ, доставила мнѣ при этомъ случаѣ даже поцѣлуй въ руку отъ моего гувернера, въ глазахъ котораго кончикъ пальца, осчастливленный прикосновеніемъ Императора, былъ уже своего рода святынею.

Едва прибылъ я домой, какъ мнѣ передалъ камерпажъ отъ имени Императора Мальтійскій орденъ (высшее отличіе, которое только могъ пожаловать мнѣ Государь), и вслѣдъ за тѣмъ покои мои наполнились безчисленными посѣтителями. Когда наконецъ весь этотъ рой придворныхъ и высшихъ военныхъ чиновъ отхлынулъ, я обратился къ генералу Дибичу съ очень естественнымъ вопросомъ: «Что собственно вся эта комедія означаетъ? За что всѣ эти незаслуженныя почести, и развѣ такъ приказано Императоромъ?

Генералъ сообщилъ мнѣ, что Его Величество, когда я остался одинъ съ Императрицей, призвалъ его къ себѣ, благосклонно пожалъ

ему руку и сказалъ: «Благодарю васъ, генералъ, за сопровожденіе принца; онъ теперь мой навсегда. Онъ превосходитъ мои ожиданія и будетъ, я увѣренъ, вполнѣ соотвѣтствовать моимъ намѣреніямъ. Я теперь приставляю васъ къ нему; вы должны быть всегда съ нимъ, никогда безъ него. Ваше усердіе для меня весьма важно; я полагаюсь на васъ и пребываю къ вамъ благосклоненъ».

— Что при такихъ обстоятельствахъ, продолжалъ Дибичъ, люди за вами ухаживаютъ, будетъ вамъ понятно. Но позвольте одно замѣчаніе: не довѣряйте никому, ибо они всѣ лукавы, какъ кошки, и до тѣхъ только поръ не выпускаютъ когтей, пока надъ ними плетъ господина.

— «Но, Боже мой!» возразилъ я, «развѣ не естественно съ ихъ стороны желаніе спровадить такого чужестраннаго выскочку, какъ я? Признаюсь, ваше превосходительство, я этого не могу понять и буду просить Императора, чтобъ онъ сдѣлалъ меня простымъ кадетомъ, какъ это прежде предполагалось».

— «Это было-бы прекрасно!» возразилъ Дибичъ, полусмѣясь, полуиспуганно. «Воля Монарха законъ, и намъ непристойно судить объ его приказаніяхъ. Что касается до того, чтобъ быть вамъ кадетомъ, то это—выдумка вашего господина фонъ-Требры, чтобы вы не слишкомъ зазнавались. Я же ему прямо сказалъ, что это дѣло не подходящее, ибо тутъ намъ приходится бороться съ излишнимъ смиреніемъ, а оно не соотвѣтствуетъ здѣшнему климату. Правда, мѣстопребываніемъ вашимъ былъ назначенъ Кадетскій Корпусъ; но вы могли заключить изъ образа дѣйствій его начальника, князя Зубова, что съ той минуты, какъ вы переступили порогъ корпуснаго зданія, оно сдѣлалось не болѣе, какъ вашимъ дворцомъ, и Его Величество желалъ только его возвысить пребываніемъ въ немъ принца».

Ахъ, ты лисица! подумалъ я. Ты смѣешься надъ Русскими вельможами; а самъ, выскочка, того не замѣчаешь, какъ ты себя унизилъ этой лестью передъ 13-ти лѣтнимъ мальчикомъ, которую ты расточаешь ему изъ одного уваженія къ милостямъ Императора. И правда: еслибы Русскіе повально ненавидѣли всѣхъ иностранцевъ, это было-бы имъ простительно, благодаря образу дѣйствій Павла I-го. Въ его царствованіе всѣ высшія должности были открыты чужеземнымъ проходимцамъ, тогда какъ оскорбленный Русскій человѣкъ въ справедливомъ негодованіи, съ уязвленнымъ чувствомъ гордости, скрывался въ отдаленныхъ углахъ своей родины. И все-таки, не смотря ни на какія обстоятельства, врожденная добродѣтель гостепріимства оставалась господствующею въ этой странѣ; ибо иностранецъ, заслуживающій малѣйшаго уваженія, всегда находилъ въ ней самый радушный и любезный пріемъ.

Въ первый же вечеръ, послѣ всѣхъ этихъ скучныхъ визитовъ, я искалъ отдохновенія въ комнатахъ генерала, въ веселомъ кругу знакомыхъ, собравшихся въ его семействѣ. Мнѣ очень памятно, что тамъ играли aux petits jeux и что было очень весело. Съ одной молоденькой дѣвушкой, которая, представляя Психею, выбрала меня въ свои Купидоны, я, въ юношеской невинности, обошелся, можетъ быть, фа

мильярнѣе, чѣмъ допускала благопристойность. Эта, другая-ли причина, или наконецъ отвращеніе г. фонъ-Требры къ вечернимъ собраніямъ у Дибича, только онъ доложилъ моей тётушкѣ о совершаемыхъ яко бы у Дибича безчинствахъ: Купидонъ уже никогда болѣе не видалъ своей Психеи.

Утромъ роковаго слѣдующаго дня, не успѣлъ я вдоволь понѣжиться въ своей пуховой постели, какъ г. фонъ-Требра, отдернувъ занавѣси, предсталъ предо мной съ строгимъ выговоромъ за вчерашнее мое неприличное поведеніе. Я же объ немъ совсѣмъ не помнилъ и, сознаюсь, никакъ не могъ понять причинъ, за что строжайшая и серьезнѣйшая оберъ-гофмейстерина моей тетки, графиня Ливенъ, къ которой я явился въ первый разъ засвидѣтельствовать почтеніе, присудила мою соучастницу во вчерашней игрѣ къ розгамъ и объявила, что при первомъ случаѣ я долженъ ожидать такой же милости отъ высокой руки Императрицы. Это поразительное извѣстіе немало испугало меня, и не то, чтобы я опасался за свою шкуру, а скорѣе за честь облеченнаго въ побѣдоносно-воинственный драгунскій мундиръ и вновь испеченнаго Мальтійскаго рыцаря. Между прочимъ завѣреніе старой статсъ-дамы убѣдило меня въ проискахъ моего гувернёра.

Сдѣлавъ нѣсколько парадныхъ визитовъ въ городѣ, я опять пріѣхалъ въ императорскій дворецъ, съ тѣмъ чтобы увидѣть тётушку, къ которой и подошелъ не безъ нѣкотораго сердцебіенія; но страшное предчувствіе не оправдалось, и я былъ принятъ ласково. По видимому, я напомнилъ ей собою любимаго брата, и слезы показались въ ея глазахъ. Я поцѣловалъ ея платье, но она крѣпко обняла меня. Конечно, не обошлось безъ нѣсколькихъ ласковыхъ увѣщаній. Она неблагопріятно отозвалась объ обществѣ, собиравшемся въ зданіи Кадетскаго Корпуса и объявила, что назначитъ мнѣ другое мѣстопребываніе.

Вслѣдъ за тѣмъ я привѣтствовалъ моихъ милыхъ кузинъ. Изъ нихъ Марія была уже 15-ти лѣтъ и, стало быть, для меня особа внушающая, но тѣмъ не менѣе такая кроткая и добрая, что я сейчасъ же почувствовалъ къ ней сердечное влеченіе. Она обладала сочувственнымъ, нѣжнымъ сердцемъ. Непреложнымъ доказательствомъ того служило ея всегдашнее опасливое пребываніе на сторожѣ, чтобы заблаговременно предупреждать всякій возможный съ моей стороны промахъ и тѣмъ предохранять меня отъ затруднительнаго положенія. Ея сестра Екатерина, однихъ лѣтъ со мною, нравилась мнѣ менѣе. Мрачная и скрытная, но преждевременно развитая и сознававшая это, она отталкивала меня своею чопорностью. Обѣ великія княжны были прекрасны. Первая имѣла черты матери; вторая, когда говорила, была похожа на отца, но, къ удивленію, на перекоръ этому сходству—все-таки очаровательна [12].

Въ теченіе различныхъ перипетій этого дня я наконецъ столкнулся

[12]) Въ Нѣмецкихъ книгахъ передается слухъ, будто великую княжну Екатерину Павловну прочили въ супруги принцу Евгенію. Они были одноліѣтки.

въ первый разъ и съ наслѣдникомъ престола. Сколько доброты и любезности свѣтилось во взорахъ Александра!

Прелестный 23-хъ лѣтній юноша мимоходомъ проговорилъ мнѣ какую-то любезность, болѣе, чтобъ сдѣлать удовольствіе своему отцу, чѣмъ во вниманіе къ моей собственной маленькой личности; но его обращеніе со всѣми окружающими внушило мнѣ къ нему полнѣйшее обожаніе. Кружокъ, въ которомъ я его привѣтствовалъ, былъ полонъ государственными сановниками. Между ними я услыхалъ фамилію одного героя, прославившагося подъ командою Суворова въ Италіи, и восторженно воскликнулъ: «Такъ это знаменитый князь Багратіонъ?» Александръ улыбнулся моему, можетъ быть, несвоевременно выраженному любопытству, однакоже подвелъ меня къ нему, и князь, которому, какъ я видѣлъ, моя восторженность понравилась, взялъ меня ласково за руку и, указывая на великаго князя, сказалъ: «Если вы хотите, принцъ, видѣть что-нибудь замѣчательное, то вотъ смотрите на восходящее солнце Россіи».

Константинъ, младшій братъ наслѣдника, мускулистаго, коренастаго тѣлосложенія, съ цвѣтущимъ румянцемъ на щекахъ, очень походилъ на отца и считался вообще уступающимъ въ кротости Александру.

Я пробылъ во дворцѣ столько времени, что едва имѣлъ время до вахтпарада сдѣлать визитъ генералъ-губернатору.

На возвратномъ пути изъ губернаторскаго дома мнѣ встрѣтилась императорская лейбъ-гвардія, роскошно освѣщенная лучами солнца. Офицеры были въ зеленыхъ мундирахъ, украшенныхъ довольно простымъ шитьемъ и эксельбантами, въ бѣлыхъ панталонахъ и ботфортахъ и имѣли на головахъ шляпы съ узкими галунами, а въ правой рукѣ такъ называемые эспонтоны; зеленые мундиры рядовыхъ были, напротивъ того, богато испещрены галунами, а заостренныя старопрусскія изъ томпаковой жести шапки придавали имъ по-истинѣ величественный видъ и такъ блестѣли на солнцѣ, что ослѣпляли зрителя. Но съ другой стороны, дальнѣйшія принадлежности этого наряда, въ видѣ густо напудренной прически и косъ длиною въ аршинъ, равно какъ и старомодный покрой мундировъ, придавали всему зрѣлищу, если смотрѣть на него вблизи, видъ собравшейся на потѣху публикѣ толпы комедіантовъ. Однако возникновеніе этой идеи тотчасъ же подавлялось страшной серьезностью, написанной на всѣхъ лицахъ; а строго размѣренный, торжественный шагъ, какъ-бы нарочно удалявшій близкую цѣль марша въ безпредѣльное пространство, скорѣе заставлялъ думать, что они совершаютъ похоронное шествіе, или сопровождаютъ на казнь преступника, а не идутъ на ежедневную смѣну караула.

На первыхъ парахъ я не встрѣчалъ самого Императора на этихъ парадахъ; впослѣдствіи, на одномъ изъ нихъ, мнѣ были оказаны воинскія почести.

Въ теченіи этихъ первыхъ дней моей Петербургской жизни я былъ представленъ великимъ княгинямъ Елисаветѣ и Аннѣ, супругамъ Александра и Константина. Первая, бывшая принцесса Баденская, была прекрасна и любезна, и въ тоже время отличалась самымъ кроткимъ

характеромъ. Послѣдняя была, пожалуй, еще больше поразительной красоты, но все же не могла заслонить собою прелестей Елисаветы.

Вечернія собранія Императора, присутствовать на которыхъ я также получилъ приказаніе, состояли большею частію изъ всѣхъ членовъ царской фамиліи, находившихся на лицо въ Петербургѣ, за исключеніемъ великой княжны Анны и ея двухъ братьевъ, Николая и Михаила, которые, за малолѣтствомъ, оставались въ дѣтскихъ комнатахъ. Изъ другихъ обыкновенно присутствовавшихъ лицъ, между которыми гофмейстерина графиня Ливенъ была единственною дамою, я помню только военнаго генералъ-губернатора графа Палена, статнаго, высокаго господина преклонныхъ лѣтъ, съ пріятнымъ, хитрымъ, но въ тоже время внушительнымъ лицомъ; графа Строгонова, Нарышкина и графа Кутайсова. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ старикъ Строгоновъ, казалось, былъ любимцемъ Монарха. Онъ слылъ за остряка и очень умнаго человѣка, а низенькая, сухопарая и скорченная фигура придавала ему видъ настоящаго дипломата. Оберъ-каммергеръ Нарышкинъ, котораго въ императорскомъ кружкѣ часто называли въ шутку кузеномъ (такъ какъ мать Петра Великаго была изъ его фамиліи, чѣмъ онъ немало чванился), почитался и тогда уже привиллегированнымъ придворнымъ шутникомъ. Онъ былъ тученъ и приземистъ; на устахъ его, какъ у балетныхъ танцовщиковъ, всегда порхала любезная улыбка. Всѣ эти господа, за исключеніемъ графа Палена, носившаго бѣлый мундиръ, являлись въ костюмѣ Мальтійскихъ рыцарей. Генералъ Дибичъ своимъ постояннымъ присутствіемъ былъ обязанъ, вѣроятно, мнѣ. Хотя я никогда не распрашивалъ его на счетъ этого щекотливаго обстоятельства, но его ничѣмъ невызываемыя старанія убѣдить меня въ противномъ прямо приводили меня къ этому заключенію.

Всякій разъ, до начала собранія, вся императорская фамилія заходила въ покои къ моей тетушкѣ; мнѣ также было приказано туда являться. Живо помню я, какъ, ровно въ половинѣ седьмаго, съ шумомъ распахивались обѣ половинки двери, и появлялся Императоръ; какъ онъ потомъ, съ легкимъ наклоненіемъ головы, проходя мимо собравшихся, отдавалъ низкій поклонъ Императрицѣ, ласково кивалъ великой княгинѣ Аннѣ и затѣмъ почти всегда съ особеннымъ благоволеніемъ быстро подходилъ ко мнѣ, много меня распрашивалъ, часто смѣялся надъ моими отвѣтами, иногда хлопалъ въ ладоши и, вдругъ повернувшись къ Императрицѣ, подавалъ ей руку и открывалъ шествіе въ гостиную. Тогда я, конечно, скромно оставался одинъ назади, пока суровая старая графиня Ливенъ, тогда столь ненавистная, впослѣдствіи столь сердечно любимая, говорила мнѣ: «идите же!» и выталкивала меня въ дверь. Гости встрѣчали Монарха въ не очень просторной парадной гостиной съ натянутымъ благоговѣніемъ. Долѣе всѣхъ разговаривалъ онъ, обыкновенно, съ военнымъ генералъ-губернаторомъ и часто шепталъ ему на ухо что-то, при чемъ графъ Паленъ принужденъ былъ наклоняться къ нему; обмѣнивался нѣсколькими словами съ графомъ Строгоновымъ и потомъ каждый разъ обращался къ генералу Дибичу, къ великой досадѣ, какъ я ясно ви-

дѣлъ, всѣхъ остальныхъ присутствующихъ, отводилъ его въ сторону и, часто указывая на меня и пожимая ему руку, обнадеживалъ завѣреніями въ своей благосклонности.

Лишь только Императоръ оборачивалъ лицо, тотчасъ же просвѣтлялись мрачныя черты всѣхъ гостей, и вновь представляли выраженіе полнѣйшаго удовольствія. Однажды Строгоновъ и Нарышкинъ пустились взапуски другъ передъ другомъ любезничать со мной; я же, помня умное наставленіе моего гувернера ни съ кѣмъ, кромѣ самого Императора, не быть слишкомъ разговорчивъ, отдѣлывался одними да и нѣтъ и, наконецъ, на слишкомъ назойливые вопросы отвѣчалъ, что «считаю себѣ не по плечу разговоры съ дипломатами и остряками, такъ какъ я еще только начинающій службу драгунъ».

Эта выдержка изъ упражненій, которыя задавались мнѣ въ школѣ моего лукаваго гувернера и были такъ удачно разсчитаны на весь придворный персоналъ, произвела самое благопріятное впечатлѣніе на сердце Императора. Онъ опять одобрительно потеръ руки и подалъ знакъ, чтобъ садились. Самъ онъ сѣлъ съ Императрицею на софѣ; всѣ прочіе усѣлись вокругъ стоявшаго передъ ними круглаго стола, я же долженъ былъ помѣститься прямо противъ Государя. Онъ часто взглядывалъ на меня, милостиво подмигивая, и почти вовсе не говорилъ съ своимъ семействомъ, а съ однимъ только графомъ Строгоновымъ. Даже мой ребяческій умъ былъ пораженъ при этомъ разговорѣ удивительными неожиданностями въ сужденіяхъ Императора, и я долженъ сознаться, что они всегда служили мнѣ матеріяломъ разнообразнѣйшихъ вопросовъ, которые предлагалъ я генералу Дибичу на возвратномъ пути. Хитрый придворный приходилъ отъ нихъ въ немалое смущеніе. Лучшаго учителя въ искусствѣ каверзъ и козней я-бы не могъ найти. Его правила, тѣмъ болѣе вразумительныя, что имѣли за собою неоспоримую основательность, въ сущности сводились къ тому, что должно во всемъ примѣняться къ обстоятельствамъ, съ властелиномъ не ссориться и принимать въ разсчетъ даже его прихоти. «Только дѣйствуя такимъ образомъ», прибавлялъ онъ успокоительно, «можете доставить удовольствіе вашимъ родителямъ и принести имъ истинную пользу; притомъ же вашъ первый долгъ быть признательнымъ къ Императору, который такъ васъ любитъ».

Въ подобныхъ наставленіяхъ Дибичъ былъ неистощимъ, пока мнѣ не удавалось, наконецъ, направить потокъ этихъ сообщеній въ море трогательнѣйшихъ изліяній по поводу того, какъ глубоко онъ тронутъ и какимъ проникнутъ чувствомъ благодарности къ Монарху за его дружбу лично къ нему.

Гораздо честнѣе дѣйствовалъ г. фонъ-Требра: онъ чуть не кулаками старался доказать мнѣ негодность своего соперника.

Но вернемся къ Императорскимъ вечернимъ собраніямъ. Будучи, впрочемъ, тоже вѣрнымъ воспроизведеніемъ привычекъ Фридриха II-го, эти собранія сами по себѣ не представляли ничего замѣчательнаго и состояли лишь въ томъ, что безпрерывно разносились разныя закуски, при чемъ Императоръ выпивалъ нѣсколько рюмокъ вина и бы-

валъ словоохотливъ. И такъ какъ все у него дѣлалось по часамъ, то вдругъ онъ поднимался съ мѣста, и въ тоже время всѣ, какъ бы вслѣдствіе электрическаго тока, вскакивали на ноги. Тогда онъ удалялся на одну минуту и, возвратясь, подавалъ Императрицѣ руку, чтобы идти къ столу, накрытому въ сосѣднемъ залѣ. Ужинъ начинался въ половинѣ девятаго и оканчивался ровно въ девять. Обыкновенно къ числу упомянутыхъ гостей за столомъ присоединялись двѣ дежурныя придворныя дамы и одинъ генералъ-адъютантъ. Я замѣтилъ, что графъ Строгоновъ всегда садился противъ Императора, по сторонамъ котораго, съ одной, сидѣла Императрица, съ другой великая княгиня Елисавета. Мое мѣсто было между великой княжной Маріей и графиней Ливенъ. За каждымъ стуломъ стоялъ пажъ, за стуломъ Императора два камеръ-пажа въ малиновыхъ кафтанахъ (украшенные малымъ крестомъ Мальтійскаго ордена; они ожидали выпуска въ армію капитанскими чинами). На одномъ концѣ стола стоялъ, облокотясь на свою трость, пажескій гофмейстеръ, чиномъ полковникъ, на противоположномъ оберъ-гофурьеръ Крыловъ, тоже въ чинѣ полковника и оба Мальтійскіе рыцари.

Разговаривали за ужиномъ мало: блюда въ такомъ обиліи слѣдовали одно за другимъ, что не то, чтобъ разговаривать, а едва доставало времени отвѣдать кушанья. Легкое прикосновеніе Императора къ стоявшему противъ него блюду съ разнымъ мороженымъ служило обыкновенно предвареніемъ близкаго вставанія изъ-за стола, что́ и происходило неизбѣжно по первому удару заповѣдныхъ девяти часовъ.

На одномъ изъ такихъ ужиновъ произошелъ случай, имѣвшій значеніе въ моей судьбѣ. Не успѣли мои губы коснуться упомянутаго мороженаго, представлявшагося моимъ жаднымъ взорамъ во образѣ всевозможныхъ плодовъ жаркаго пояса, какъ я замѣтилъ, по жестамъ молодой прислуги, что вскорѣ надо будетъ вставать изъ-за стола. Освободить свои запутавшіеся въ скатерти шпоры, при этой быстрой перемѣнѣ декорацій, было нелегкою задачею; а потому, когда стоявшій позади пажъ неосторожно выхватилъ изъ-подъ меня стулъ, то сила сообщеннаго мнѣ при этомъ движенія, встрѣтя сопротивленіе силы, привязывавшей меня къ столу, придала моему тѣлу такую центробѣжность, что я со всего размаху шлепнулся на-полъ. Мнѣ и самому невозможно было удержаться отъ смѣха, и я видѣлъ, еще не поднявшись съ пола, какъ Императоръ подалъ примѣръ ко всеобщему хохоту. Но внезапно лице его нахмурилось, онъ сурово что-то замѣтилъ великому князю Константину, спросилъ меня съ участіемъ, не ушибся-ли я и съ недовольствомъ быстро вышелъ изъ залы.

Графиня бросила на меня сердитый взглядъ, тетка проговорила уходя: «Vous êtes un étourdi, mon ami» [13]); великіе князья продолжали смѣяться. Марія пожимала плечами, глядя на меня съ состраданіемъ, а господа придворные при прощаньи кланялись мнѣ еще ниже, чѣмъ прежде. Я остался, наконецъ, съ одними пажами, которые, не обращая никакого вниманія на маленькаго императорскаго любимца, толпою кинулись на конфеты, оставленныя по заведенному обычаю въ жертву ихъ хищничеству, и я имъ въ эту минуту больше завидовалъ, чѣмъ вѣнцу Императора.

[13]) Ты вѣтренникъ, мой другъ.

Но что за причина, что мнѣ пришлось разыграть роль пономаря въ церкви и оставаться въ ней, пока не погашена послѣдняя свѣча? Причина та, что генералъ Дибичъ былъ поспѣшно потребованъ къ Императору и долго тамъ оставался. Когда онъ, наконецъ, воротился, проводилъ меня до кареты и вмѣстѣ со мною вошелъ въ нее, то вдругъ, покинувъ свое мѣсто, онъ сталъ на колѣни, прижалъ лицо свое къ моимъ рукамъ и, орошая ихъ слезами, заговорилъ, какъ пьяный: «Возлюбленный, добрѣйшій господинъ! Что я слышалъ! Возможно-ли, постижимо-ли, вѣроятно-ли это?» — «Да что же это, ваше превосходительство! Что еще новаго?» вскричалъ я съ нетерпѣніемъ.

— «Ахъ! чтоже, какъ не то», отвѣчалъ Дибичъ, сильно вскрикнувъ и покрывая мои руки новыми поцѣлуями, «что васъ ожидаетъ великокняжескій титулъ, штатгальтерство, вицекоролевство!»

Куда-бы онъ зашелъ, если-бы я не утишилъ этой бури тѣмъ, что засыпалъ его вопросами, отвѣчать на которые онъ тогда еще не считалъ своевременнымъ. Но къ тому времени, какъ мы пріѣхали домой и были встрѣчены слугами, у него успѣло вырваться заключительное, полное тяжелаго значенія и тревожившее меня даже и во снѣ восклицаніе: «Онъ хочетъ васъ усыновить!»

Я не берусь изслѣдовать весь процессъ развитія тѣхъ идей, который привелъ Императора Павла къ такимъ видамъ на мою личность. Въ то время я не сознавалъ всего ихъ объема, а впослѣдствіи не могъ собрать никакихъ положительныхъ доказательствъ того, въ чемъ меня съ такимъ убѣжденіемъ увѣряли. Но, сопоставляя мои тогдашнія и позднѣйшія свѣдѣнія, не сомнѣваюсь, что какая-нибудь тайна этого рода, извѣстная только немногимъ довѣреннымъ лицамъ и ушедшая въ ту самую могилу, въ которую самъ онъ вскорѣ сошелъ, необходимо существовала. Отлагаю до другаго, болѣе удобнаго случая обсужденіе этого вопроса, теперь же укажу на то, что и тетушка моя безпокоилась на счетъ моей будущности, такъ какъ въ данныхъ обстоятельствахъ слишкомъ разительная перемѣна счастія была бы для меня опаснѣе самой положительной монаршей немилости. Да и самъ графъ Паленъ впослѣдствіи говорилъ, что онъ обезопасилъ меня, отклоняя Императора отъ слишкомъ скорыхъ рѣшеній въ мою пользу.

При первомъ свиданіи съ тетушкою я опять не услыхалъ отъ нея ничего такого, что́ могло-бы меня потревожить. Ея расположеніе ко мнѣ ежедневно возрастало; но, непохожее въ этомъ отношеніи на расположеніе Императора, оно было свободно отъ побочныхъ разсчетовъ. Меня, однакожъ, удивляла страстность, съ которою она меня обнимала, при чемъ даже не могла удержаться отъ слезъ. Родственное-ли участіе, грусть-ли и опасеніе за мою будущность, или какія-либо необъяснимыя, высшія вліянія были причиною той сильной любви, которую она оказывала мнѣ въ теченіи всей своей жизни, — все

равно: чувства ея во всякомъ случаѣ истекали изъ чистой, ангельской души.

Даже и въ этихъ отношеніяхъ моихъ къ Императрицѣ проявилась необычайность, присущая всей моей жизни. Всегда она была исполнена самой горячей материнской любви ко мнѣ. Съ одинаковой силой она была привязана къ ребенку, юношѣ, взрослому мужу, и беззавѣтная эта привязанность, заставлявшая ее гласно называть себя моей второй матерью, также ясно высказалась въ нѣжности, съ какой она теперь прижимала меня къ сердцу, какъ и въ послѣднихъ строкахъ, которыя она посвящала мнѣ, уже лежа на смертномъ одрѣ! Но повода къ этому необъяснимому участію—гдѣ я долженъ искать? Какія притязанія я могъ имѣть на такое безпредѣльное ея благоволеніе ко мнѣ? Еще болѣе (и этимъ признаніемъ я хочу доказать, какъ ея высокое нравственное значеніе, такъ и мою собственную безкорыстную преданность ей), именно эта матерински-любящая меня тетка вѣчно задерживала колесо фортуны, такъ часто готовой осыпать ударами своего любимца. Вѣчно, ея строгая добродѣтель, часто переходящая въ излишнюю требовательность, противилась всякому, даже самому справедливому порыву моего оскорбленнаго достоинства, и священная для меня воля ея всегда налагала на мое честолюбіе тягостныя оковы. Но она знала и любила меня. Все наслѣдство, которое она завѣщала мнѣ—кольцо, но вмѣстѣ съ нимъ обиліе безцѣнныхъ, неизгладимыхъ воспоминаній.

Если я здѣсь снова на минуту покинулъ настоящее, чтобъ забѣжать въ будущее, то это надо приписать важности предмета. Вернемся опять къ сценамъ тѣхъ неожиданныхъ противорѣчій, которымъ этотъ разсказъ преимущественно посвященъ.

Я упоминалъ о намѣреніи тётушки пріискать мнѣ особую, внѣ Кадетскаго Корпуса, квартиру. Это значило поступать наперекоръ повелѣнію Императора, назначившаго непосредственнымъ моимъ надзирателемъ служащаго въ этомъ заведеніи генерала Дибича. Но тогда уже многое дѣлалось вопреки волѣ Императора, и приказанія его ловко бывали обходимы. Такъ было и тутъ. Мнѣ отвели первый этажъ ближайшаго къ Кадетскому Корпусу дома, находившагося на Васильевскомъ острову, въ 1-й линіи. Близость къ заведенію должна была удовлетворять желаніямъ Императора, удаленіе же отъ кадетъ—требованіямъ приличія; но генералъ Дибичъ былъ недоволенъ этимъ распоряженіемъ и не безъ причины видѣлъ въ немъ слѣдствіе какихъ-либо происковъ г. фонъ-Требры. Скоро это навлекло мнѣ дѣйствительныя непріятности.

Однажды послѣ обѣда я получилъ собственноручную записку отъ тетушки, въ которой меня, по приказанію Императора, звали на концертъ. Каково же несчастіе! Генерала Дибича не было, а г. фонъ-Требра отнюдь не хотѣлъ допустить, чтобъ послали за Дибичемъ. На мои представленія, что я безъ него не рѣшусь предстать предъ Императора, мой гувернеръ отвѣчалъ все сердитѣе и наконецъ, когда потерянное время не представляло уже надежды на успѣхъ, онъ вскричалъ съ запальчивостію: «Ну, такъ напишите ему отъ моего

имени!» Я такъ и сдѣлалъ; но Дибичъ не пришелъ, и я долженъ былъ отправиться съ однимъ г. фонъ-Треброю. Ему этикетъ воспрещалъ появленіе при дворѣ, и онъ съ досадою покинулъ меня на волю судебъ у дверей концертной залы. Уже слышались знакомые мнѣ звуки любимой увертюры Императора изъ Ифигеніи Глюка, и лишь только я отворилъ дверь, меня встрѣтили предупреждающіе: ссеъ!

Опоздать къ назначенному сроку было въ глазахъ Павла преступленіемъ; но нѣтъ правила безъ исключенія.

«Непостижимо!» шептали другъ другу на ухо присутствовавшіе, когда Императоръ, при входѣ моемъ, милостиво со мной поздоровался, извинился, что концертъ начали безъ меня и пригласилъ занять свободное мѣсто въ первомъ ряду креселъ, возлѣ великой княгини Елисаветы. Такъ какъ мой стулъ находился на правомъ флангѣ, который огибался въ видѣ полукруга вторымъ рядомъ креселъ, то въ образовавшемся тутъ узкомъ пространствѣ я очутился сосѣдомъ одной прехорошенькой дамы; наши колѣна соприкасались, и частыя извиненія съ моей стороны подали первый поводъ къ разговорамъ во время антрактовъ. Нарядъ этой сосѣдки былъ въ высшей степени изященъ, блескъ ея драгоцѣнныхъ камней давалъ поводъ заключать о ея знатномъ происхожденіи; а то обстоятельство, что ея драгоцѣнности бросались въ глаза не количествомъ, а качествомъ, доказывало, что вкусъ этой прекрасной лиліи направленъ къ простотѣ. Да позволятъ мнѣ избрать царицу цвѣтовъ для обозначенія моей покровительницы, играющей въ этой исторіи слишкомъ видную роль для того, чтобъ я могъ оправдать свою оплошность, что тогда же не освѣдомился объ ея имени, да и впослѣдствіи не узналъ его.

Еслибы меня заставили сказать тому причину, то я со стыдомъ долженъ бы былъ сознаться, что она произвела на меня непостижимое впечатлѣніе, которое я боялся обнаружить распросами, а потому и не рѣшился на нихъ, пока было еще время; впослѣдствіи же отъ меня скрывали ея имя по причинамъ, которыя я подозрѣвалъ, но никогда не могъ вполнѣ разъяснить.

Попеременно отвѣчая, то на вопросы великой княгини, то на ея, иногда и и самъ заговаривалъ, и мое любопытство на счетъ старомодно-костюмированныхъ артистовъ, стоявшихъ передъ нами и, несмотря на ихъ непривлекательную внѣшность, поражавшихъ нашъ слухъ самыми восхитительными звуками, было удовлетворяемо отчасти великою княгинею и вполнѣ ею.

Внезапно появилась среди этого кружка пѣвцовъ величественная красавица, вошедшая подъ руку съ мущиною небольшаго роста; оглушительныя браво и аплодисменты Императора встрѣтили ее прежде, чѣмъ она успѣла издать первыя ноты своего очаровательнаго голоса. То была Шевалье, о которой говорили, что Императоръ, не ограничиваясь публичнымъ изъявленіемъ восторга предъ ея искусствомъ, приноситъ дань восхищенія ея прелестямъ. При дворѣ подобныя вещи не составляютъ ни для кого тайны; а потому и удивительно, что я узналъ объ этомъ уже юношею, а въ то время, будучи ребенкомъ, также мало понималъ это, какъ свои соб-

ственныя, столь часто одушевлявшія меня чувства, настоящее свойство которыхъ я никакъ не могъ себѣ объяснить, не смотря на рано добытую опытность и на робость и застѣнчивость, которыя овладѣвали мною каждый разъ при взглядѣ на хорошенькое женское личико.

Оставимъ, однакоже, эту сцену, заключившуюся, какъ и въ прошлый разъ, ужиномъ, но только теперь безъ катастрофы съ моей стороны, и перенесемся въ мою квартиру, гдѣ на другое утро, едва покинулъ я постель, какъ уже передо мною стоялъ генералъ Дибичъ.

Маленькій человѣкъ весь былъ красенъ отъ гнѣва и, признаюсь, имѣлъ право: ему даже не передали моей записки, а спрошенный о причинѣ этого слуга объявилъ напрямикъ, что г. фонъ-Требра запретилъ передачу и взялъ записку назадъ. Черезъ это Дибичъ не попалъ на концертъ и считалъ себя уже въ немилости у Государя. Успокоительное увѣреніе съ моей стороны, что его отсутствіе не было замѣчено, только умножало его досаду, вмѣсто того, чтобы ее успокоить, и только моимъ присутствіемъ удерживались въ границахъ приливы его желчи. Но едва я удалился, чтобы переодѣться, какъ услышалъ рекъ словопрѣнія между двумя ревнивыми педагогами. Все громче и громче раздавался крикъ, и только что я окончилъ свой нарядъ, чтобы ѣхать ко двору, какъ вбѣжалъ слуга и, задыхаясь, закричалъ: «Господи! Они схватились за волосы!» — «Боже мой!» воскликнулъ я, «въ такомъ случаѣ г. фонъ-Требра погибъ!» Дѣйствительно, хотя онъ обладалъ силою, но за него можно было ухватиться, тогда какъ маленькій Дибичъ на дню столько разъ терялъ свой парикъ, что ему и теперь ничего не стоило оставить его въ рукахъ противника. Правда, генералъ Дибичъ, лишенный парика, лежалъ подъ столомъ; но и разорванное платье непріятеля свидѣтельствовало объ ущербѣ, понесенномъ въ кулачномъ бою, на исходъ котораго не безъ злорадства смотрѣлъ я сквозь замочную скважину, вмѣстѣ съ моимъ хирургомъ и двумя лакеями, раздѣлявшими мое нерасположеніе къ г. фонъ-Требрѣ. Во всякое другое время естественное чувство побудило бы меня поспѣшить на помощь слабѣйшему; но какъ я видѣлъ его въ такомъ безопасномъ положеніи, то и продолжалъ наслаждаться его оборонительными мѣропріятіями, глядя, какъ онъ, подобно кошкѣ, озирался кругомъ, швырялъ въ противника всѣмъ, что только могъ отдѣлить отъ своей особы, такъ что шпага, табатерка, платокъ, парикъ перелетали отъ одного къ другому, и вся комната наполнилась пудрой. Правда, Дибичъ первый нанесъ ударъ, а тотъ не остался въ долгу; но за то я мысленно произнесъ надъ обоими обвинительный приговоръ: «И эти люди должны служить тебѣ примѣромъ!» Когда я вошелъ, они поняли, что честь ихъ зависитъ теперь отъ моего молчанія, которое я и обѣщалъ имъ подъ условіемъ, чтобъ они помирились.

Съ этого еще дымившагося поля битвы придворный экипажъ повезъ насъ всѣхъ троихъ, воюющія стороны и примирителя, въ императорскій дворецъ. Тутъ въ первый разъ тётушка встрѣтила меня сурово. Я былъ принятъ въ уединенномъ покоѣ, и возлѣ нея стоялъ

въ угрожающей позѣ ея генералъ-адъютантъ въ юпкѣ [14]. Будь тутъ третье лицо, я бы счелъ его за палача. Мнѣ было представлено мое вчерашнее письмо къ генералу Дибичу; слѣдовательно г. фонъ-Требра коварно имъ воспользовался, чтобъ возбудить противъ меня обвиненіе. Въ письмѣ было сказано, «что я сожалѣю, не имѣвъ возможности, благодаря г. фонъ-Требрѣ, заблаговременно извѣстить генерала, и что если онъ сію же минуту не прибудетъ, то мнѣ невозможно долѣе его ждать». Я оправдывался тѣмъ, что генералъ есть мой, самимъ Императоромъ мнѣ назначенный, гувернёръ и что я имѣю приказаніе никогда не являться ко двору безъ него. Императрица же объясняла мой поступокъ тайными кознями, направленными противъ пестуна, котораго особенно рекомендовали мнѣ мои родители. Никогда я не видалъ ее столь сердитою и столь щедрою на самые горькіе упреки; при этомъ случаѣ она рѣшительно вступила въ должность воспитательницы, возложенную на нее моими родителями. Она журила меня, какъ могла и позволила бы себѣ журить только родная мать, и обезоружила мое противорѣчіе, сказавъ, что считаетъ себя моей матерью, а меня своимъ сыномъ. Вслѣдствіе этого я терпѣливо покорился ея волѣ и предоставилъ полную свободу ея многорѣчивому правосудію. Если я и чувствовалъ, что она слишкомъ строгая мать, то все же не могъ не цѣнить ея въ ея высокихъ нравственныхъ побужденіяхъ: не взирая на благоволеніе, которымъ я пользовался у ея всемогущаго супруга, она не задумалась покарать мнимую вину его любимца. Съ своей стороны и я тоже показалъ примѣръ стоическаго самоотверженія, потому что, не смотря на всю горечь этого выговора, не измѣнилъ слову, которое далъ виновнику моего позора.

Послѣ этого что̀ скажете вы о переходѣ отъ этой тайной исповѣди къ нижеслѣдующимъ сценамъ?

Роковой тётушкинъ кабинетецъ, который находился въ отдаленнѣйшемъ уголкѣ дворца и въ которомъ съ тѣхъ поръ ни разу въ жизни мнѣ не удалось побывать, внезапно смѣнился величественнымъ зрѣлищемъ залы, или скорѣе длинной галлереи, гдѣ каждое Воскресенье собирались военные чины двора. Офицеры всѣхъ гвардейскихъ полковъ и высшій генералитетъ выстраивались по чинамъ, и мнѣ было назначено самое первое мѣсто. Возлѣ меня стояли трое братьевъ Зубовыхъ, Платонъ, Валеріанъ и Николай; за ними много другихъ генераловъ, къ нимъ примкнулъ и Дибичъ. Ближе всѣхъ къ противоположнымъ дверямъ, откуда ожидался Императоръ, стояли всѣ вновь произведенные въ чины, всѣ имѣющіе принести за что-либо благодарность и новички, ожидавшіе представленія, между которыми на этотъ разъ находился и г. фонъ-Требра. Немного спустя, вошли великіе князья и стали впереди офицеровъ своихъ полковъ; затѣмъ графъ Паленъ сдѣлалъ смотръ всему представляемому персоналу и, въ ожиданіи Императора, помѣстился во главѣ его.

---

[14]) Т. е. Шарлотта Карловна Ливенъ.

Лишь только распахнулись двери, слово: Государь! пробѣжало по всему собранію и заставило всѣхъ инстинктивно вытянуться въ струнку. Когда вошелъ Императоръ, первый, вызванный Паленомъ по имени и преклонившій передъ монархомъ колѣно, былъ Аранъ въ морскомъ мундирѣ. Большая часть собравшихся была осчастливлена ласковымъ привѣтствіемъ; нѣкоторые, и въ томъ числѣ г. фонъ-Требра, милостивыми словами.

Обернувшись къ остальному собранію, Императоръ, по видимому, теперь только замѣтилъ меня, поспѣшно подошелъ ко мнѣ и осыпалъ самыми любезными вопросами, даже извинился дѣлами службы, когда ему понадобилось отойти отъ меня. При этомъ онъ не обратилъ никакого вниманія на моихъ сосѣдей и удалился на другой конецъ залы, откуда пошелъ по длинному фронту присутствующихъ, принимая рапорты отъ командировъ гвардейскихъ полковъ, въ томъ числѣ и отъ великихъ князей. По окончаніи всего этого, онъ опять подошелъ ко мнѣ, снова самымъ милостивымъ образомъ со мной поздоровался и сказалъ, съ замѣчательно-холоднымъ выраженіемъ въ лицѣ, нѣсколько словъ господамъ Зубовымъ. Съ нѣкоторыми другими поговорилъ онъ, по видимому, немного ласковѣе, и въ особенности съ генераломъ Дибичемъ. Когда Императоръ отошелъ на столько, чтобы можно было позволить себѣ легкій шопотъ, хитрый Платонъ Зубовъ обратился ко мнѣ съ комплиментами. Павелъ тотчасъ же замѣтилъ это, воротился ко мнѣ и наградилъ князя ласковымъ взглядомъ.

Какъ только удалился Императоръ изъ аудіенцъ-залы, тотчасъ все хлынуло въ покои, гдѣ собрались для парадного представленія дамы и гдѣ я долженъ былъ ожидать великихъ князей Александра и Константина, покуда еще занятыхъ своей службой, чтобы вмѣстѣ отправиться въ сборную комнату царской фамиліи.

Тутъ-то я имѣлъ случай наглядѣться на этотъ блестящій, очаровательный кружокъ, и восхищеніе, въ которое онъ повергъ меня, совершенно изгладило изъ моей памяти непріятные часы ранняго утра. Никогда невиданное великолѣпіе туалетовъ поразило мои взоры, и высокое понятіе дало оно мнѣ о блескѣ Русскаго двора и о несмѣтномъ богатствѣ Русскихъ вельможъ. Глядя на изящныя формы дамъ и на ихъ своеобразные костюмы, сверкавшіе золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, я приходилъ къ убѣжденію, что здѣсь обычаи давно-прошедшихъ вѣковъ и новѣйшій вкусъ сочетались въ общее стремленіе доставить красотѣ, къ какому-бы виду она ни принадлежала, подобающую ей дань удивленія. Такъ думалъ я, въ особенности, когда увидѣлъ въ этомъ величественномъ собраніи знакомую мнѣ юную сосѣдку, которая сегодня являла еще болѣе признаковъ своего высокаго общественнаго положенія, но была также прекрасна, какъ и вчера. И какъ же польщено было мое самолюбіе, когда она меня замѣтила и подозвала къ себѣ! Она просила меня сѣсть возлѣ и объявила, что я вчера простодушно повѣрилъ ей многое такое, что̀ ее потревожило, внушило ей симпатію ко мнѣ, но въ тоже время и опасенія. Затѣмъ она съ грустію взяла меня за руку и продолжала

растроганнымъ голосомъ: «Хотите вы имѣть меня другомъ? Я буду вашей охранительницей. Обращайтесь ко мнѣ всегда, если вамъ что покажется сомнительнымъ. Я часто пріѣзжаю ко двору; но молчите о нашей дружбѣ. Подъ этимъ только условіемъ я съ вами не раззнакомлюсь. На первый разъ довольно вамъ узнать, что мы живемъ въ такое тяжкое время, что самыя блестящія надежды бываютъ обманчивы и самые ревностные наши покровители становятся опасны». По истинѣ, всѣ эти завѣренія были мнѣ въ то время совершенно непонятны, и я относилъ опасности, о которыхъ она говорила, къ какимъ-нибудь шалостямъ, которыя могли-бы лишить меня царской милости. Опасеніе потерять сочувствіе моего добраго друга перевѣшивало, впрочемъ, всѣ другія заботы, и я могъ нарушить данный ей обѣтъ скромности развѣ только увлекшись чувствами, которыми я былъ проникнутъ къ ней самой, со всею силою, къ какой способно сердце 13-ти лѣтняго мальчика.

Государь, ведя подъ руку свою супругу, прошелъ изъ пріемной комнаты въ аудіенцъ-залу, гдѣ принялъ нѣсколько представленій, а оттуда отправился въ дворцовую церковь, и тамъ вмѣстѣ съ Императрицей, помѣстился въ особой ложѣ, а остальные посѣтители, и я съ ними, въ нижнемъ придѣлѣ. Здѣсь я опять очутился въ сосѣдствѣ молодой дамы, и она во время службы объясняла мнѣ значеніе многихъ обрядовъ Греческой церкви. Великолѣпное пѣніе, которое надо слышать, чтобы судить о сверхъ-естественномъ впечатлѣніи, какое въ состояніи производить на душу эта единственная въ своемъ родѣ вокальная музыка, производило на меня обаятельное дѣйствіе, и мнѣ по истинѣ казалось въ эту минуту, что я на небѣ. Моя прекрасная сосѣдка тоже, по видимому, наполнена была сильнымъ чувствомъ. Въ такую минуту ея вопросъ: «знакома-ли мнѣ исторія?» удивилъ меня. Еще болѣе былъ я пораженъ, когда она, вслѣдъ за тѣмъ, прибавила: «Въ такомъ случаѣ вы должны содрогаться предъ судьбою молодыхъ Англійскихъ принцевъ, которыхъ Ричардъ III велѣлъ бросить въ подвалы Тоуера».

По странному стеченію обстоятельствъ, эта сцена, со всѣми ея подробностями, была очень хорошо знакома мнѣ по гравюрѣ, висѣвшей въ Карльсруйскомъ замкѣ. Въ особенности былъ я изумленъ, когда она, чтобъ устранить мои замѣчанія по поводу направленія, принятаго разговоромъ, отвѣчала: «Оставимъ это. Пѣніе развѣживаетъ мнѣ душу».

Молодыя женщины рѣдко дѣйствуютъ обдуманно. Какія послѣдствія могли-бы имѣть возбужденныя во мнѣ опасенія, еслибы я, съ юношеской непредусмотрительностію, сообщилъ о нихъ Императору и что̀ за причина могла побудить эту милую даму такъ внезапно наградить своимъ сочувствіемъ мальчика!

Съ необыкновеннымъ одушевленіемъ упомянула она про обожаемаго наслѣдника престола. «Его», сказала она, «вы должны держаться, какъ спасителя; онъ долженъ быть вашимъ идоломъ». Можетъ быть, она этимъ напророчила мнѣ тѣ восторженныя чувства, которыя я питалъ къ Александру въ первые годы его царствованія; но въ на-

стоящее время могъ-ли я, ребенокъ, осыпанный милостями Императора, моего благодѣтеля и повелителя, состоявшій въ полной зависимости отъ него, могъ-ли я имѣть свою волю, давать произвольное направленіе своимъ дѣйствіямъ? Короче, моя милая пріятельница нагнала на меня лихорадочную дрожь, не внушивъ ни яснаго понятія о сущности угрожавшихъ мнѣ опасностей, ни мѣръ для ихъ предотвращенія. Это не помѣшало мнѣ навсегда сохранить въ сердцѣ образъ ея и умолчать о ея сообщеніяхъ. Стоило мнѣ увидать ее, чтобы до слѣдующей встрѣчи мысли мои единственно и исключительно были заняты ею.

За тѣмъ начались мои уроки, помѣшавшіе мнѣ бывать при дворѣ такъ часто, какъ прежде; но я появлялся при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ и убѣждался, что милость Императора въ ея самыхъ видныхъ проявленіяхъ, внимательность придворныхъ, участіе Императрицы и попечительность моей юной покровительницы возрастали съ каждымъ днемъ.

* * *

Утромъ 12-го (24-го) Марта г. фонъ-Требра встрѣтилъ меня извѣстіемъ о кончинѣ императора Павла, и еще въ этотъ самый день узналъ я отъ множества отовсюду стекавшихся къ намъ знакомыхъ о ходѣ главнѣйшихъ событій. Не раньше, какъ черезъ восемь дней, появился я снова при дворѣ и былъ тамъ свидѣтелемъ, какъ любезно держалъ себя со всѣми молодой Монархъ. Кротость новаго правленія счастливила всѣ сердца и при этомъ повторилось тоже, что въ первыя вѣка христіанства, то есть, что злѣйшіе враги мирились между собою.

Тетушку нашелъ я въ глубокомъ траурѣ, въ настроеніи духа очень серьезномъ, мрачномъ и грустномъ. Послѣ краткаго, но благосклоннаго привѣтствія, она осыпала меня вопросами, что со мной за послѣднее время приключалось и правда ли, что одна молодая дама меня любезно предупреждала объ опасности и отчасти оказала мнѣ покровительство? Она, казалось, была тронута успѣхомъ ея стараній, но приказала мнѣ хранить объ немъ молчаніе, прибавя, что находитъ поведеніе этой дамы благороднымъ и естественнымъ и сожалѣетъ, что ея отлучка не дозволяетъ мнѣ принести ей должную благодарность. Мой вопросъ: «Да кто жъ она такая?» былъ и тутъ отстраненъ отвѣтомъ: «Laissons cela!» [11].

Затѣмъ меня послали къ великимъ княжнамъ, и Марія, очень измѣнившаяся въ лицѣ, встрѣтила меня восклицаніемъ: «Ради Бога, что скажете вы на все это? Останетесь ли вы и теперь у насъ?» Изъ этого я могъ заключить, что меня ожидаетъ скорая перемѣна мѣстопребыванія. По крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ все для меня принято иной видъ. Блестящее поприще, на которое расположеніе ко мнѣ покойнаго Императора подавало окружающимъ меня не то надежды, не то опасенія, превратилось теперь лишь въ упованія, осуществленіе которыхъ зависѣло отъ собственныхъ моихъ буду-

[11]) Оставимъ это.

щихъ стремленій и дѣяній. Ухаживаніе, которымъ я до сихъ поръ такъ незаслуженно пользовался при дворѣ, замѣнилось строгой дисциплиной моего втораго гофмейстера, которому Дибичъ долженъ былъ теперь уступить поле дѣйствія, и совершеннымъ уединеніемъ для занятій науками. Иногда я появлялся при дворѣ моей тетки, но съ этимъ свиданіемъ всегда соединался нѣкотораго рода экзаменъ, а прочій персоналъ двора едва замѣчалъ меня. Мои друзья горько жаловались на такой несчастный, по ихъ мнѣнію, оборотъ въ судьбѣ моей, и нѣкоторые изъ нихъ были такъ нескромны, что въ моемъ присутствіи обвиняли императрицу Марію за то, что она не воспользовалась тѣмъ временемъ, когда легко было выхлопотать у императора Павла щедрые денежные надѣлы въ обезпеченіе моей будущности. Подобныя заявленія сильно противорѣчили чувству моей деликатности, и мнѣ было гораздо болѣе по себѣ съ тѣхъ поръ, какъ я снова очутился въ подобающемъ мнѣ положеніи. По истинѣ, я даже краснѣлъ, помышляя, что рѣшительно всѣмъ былъ обязанъ единственно причудѣ покойнаго Императора, и ничѣмъ своей собственной личности. Тѣмъ не менѣе я считаю себя обязаннымъ передъ вами еще разъ взвѣсить въ точности все, что въ разсказанныхъ событіяхъ имѣло существенное вліяніе на мою дальнѣйшую судьбу.

Генералъ Дибичъ открыто увѣрялъ меня, будто императоръ Павелъ говорилъ ему, что такъ какъ онъ хозяинъ въ своемъ домѣ и государствѣ, то сдѣлаетъ изъ меня нѣчто такое, о чемъ заговорятъ всѣ. Самъ Паленъ, нѣсколько лѣтъ спустя, дѣлалъ въ присутствіи одного изъ своихъ друзей по этому предмету заявленія, повидимому подтверждающія слова генерала Дибича. Въ послѣдствіи Александръ усвоилъ Россіи чужестраннаго принца [12]; но еслибы Павелъ зашелъ относительно меня и далѣе, то и не такой справедливый и великодушный государь, какимъ былъ Александръ, могъ легко разсудить, что бѣдный, неповинный, тринадцатилѣтній Нѣмецкій мальчикъ не можетъ отвѣчать за причудливыя идеи Русскаго императора. Такъ, вѣроятно, подумалъ Александръ при своемъ восшествіи на престолъ; но надо полагать, что онъ измѣнилъ свой взглядъ на предметъ по мѣрѣ того, какъ недовѣрчивость овладѣвала его незлобивой душой. Эта перемѣна настроенія совпадаетъ именно съ тѣмъ временемъ, когда, по возвращеніи изъ арміи въ 1807 году, я въ первый разъ снова увидѣлся съ тетушкою, возобновившей во всей силѣ свою прежнюю привязанность ко мнѣ, и когда популярность Александра, за союзъ его съ Наполеономъ, потерпѣла замѣтный ущербъ.

Въ продолженіе похода 1812 года, когда всякое политическое соображеніе отодвигалось на задній планъ высшими военными интересами, Императоръ прямо возвысилъ меня на степень соотвѣтствующую, по его мнѣнію, моимъ дѣяніямъ, которымъ счастіе въ то время благопріятствовало. Когда же въ концѣ этого похода я былъ осчастливленъ, какъ вамъ извѣстно, любовью и довѣріемъ арміи, то легко могло быть, что изъ существовавшаго уже прежде нерасположенія развилось личное ко мнѣ недовѣріе, которое, вѣроятно, еще усили-

[12]) Т. е. именно принца Евгенія Виртембергскаго.

валось пристрастіемъ ко мнѣ Кутузова, дѣлавшаго различныя заявленія въ мою пользу. Онъ, конечно, думалъ дѣлать пріятное Императору, когда говорилъ ему, указывая на меня: «Voilà un jeune prince qu'on aime à la folie. On se fait tuer pour lui, par jouissance» [16]).

Воображаю, что онъ еще прибавлялъ въ интимной бесѣдѣ, и это необходимо должно было возбудить недовѣріе; ибо вдругъ Александръ затормозилъ мое поприще, никогда болѣе не предоставлялъ мнѣ независимаго круга дѣйствія, пользовался моими трудами, но въ тоже время и старался мѣшать имъ, хвалилъ меня въ интимныхъ разговорахъ, отдавалъ справедливость моему самоотверженію, но не допускалъ ни при какомъ случаѣ вѣрной публичной реляціи о заслугахъ, которыя онъ не только признавалъ съ благодарностію, но даже съ чувствомъ.

Если бы Александръ былъ менѣе благороденъ и честенъ, то я долженъ былъ-бы считать его обращеніе со мною за самую существенную неблагодарность и непростительную несправедливость. На сколько же и самъ могу судить о побудительной причинѣ этого, то мнѣ кажется, что то было плодомъ ложной политики и столь-же ошибочнаго сужденія о моей личности, какъ и о моихъ отношеніяхъ; но тѣмъ не менѣе это убѣжденіе послужило поводомъ, что я еще въ 1815 году сошелъ со сцены. Основательность этихъ замѣчаній истекаетъ сама собою изъ фактовъ. Еслибы рычагомъ постигшихъ меня въ Русской службѣ безчисленныхъ обидъ по части повышеній и едва вѣроятныхъ относительно меня нарушеній долга и истины было что-либо иное, а не безусловная воля Монарха: то эти интриги не повторялись-бы во всѣхъ случаяхъ совершенно одинаково, и голосъ всей арміи не возвышался бы въ мою пользу такъ рѣшительно. Если бы еще могло существовать во мнѣ какое-либо сомнѣніе въ положительномъ желаніи Александра отвлечь отъ меня общественное вниманіе, то оно вполнѣ разсѣялось бы собственнымъ честнымъ признаніемъ Императора въ своей винѣ матери моей въ 1818 году. Въ то время Александръ, по видимому, вполнѣ признавъ свое заблужденіе. Но впослѣдствіи, я готовъ думать, что имъ вновь овладѣло недовѣріе, и мнѣ простятъ, если я смотрю на фельдмаршала Дибича, хранителя тайнъ своего отца и моего соперника впослѣдствіи, какъ на главнаго распространителя тѣхъ клеветъ, которыя въ послѣдніе годы царствованія Александра вновь стали враждебно дѣйствовать на меня и лишили меня даже милостей императора Николая, не смотря на то, что при его восшествіи онъ столько же получилъ отъ меня доказательствъ неизмѣнной преданности, сколько и я отъ него доказательствъ сердечнаго расположенія.

Но воротимся назадъ къ 1801 году.

Здѣсь я могъ бы, съ опасностью, конечно, страшно вамъ наскучить, привести много подробностей о самомъ Петербургѣ—этой почти Нѣмецко-Англійской колоніи, интересовавшей меня въ особенности въ лѣтніе мѣсяцы. Но вы сами знаете этотъ чудный городъ, съ его островами, утопающими въ садахъ, съ его хотя плоскими окрестностями, но блестящими великолѣпіемъ дачами, а потому не нуждаетесь ни въ какомъ описаніи. Точно также не нахожу нужнымъ обстоятельно изображать картину пышной церемоніи при погребеніи Императора. Длинный поѣздъ двигался весьма дальнимъ окольнимъ путемъ изъ Михайловскаго дворца, черезъ Васильевскій островъ, къ крѣпостной церкви, новому мѣсту погребенія царей. Моя траурная шляпа, своими длинными, низко спускавшимися полями заслонявшая мнѣ зрѣніе, и плащъ, спутывавшій мои ноги, мѣшали мнѣ ступать во время шествія позади царской фамиліи, которую я нѣсколько разъ, спотыкаясь, обгонялъ и потомъ валился съ ногъ у самой похоронной колесницы. Окружающіе ее, не смотря на трагическій характеръ торжества, не могли воздержаться отъ смѣха при всѣхъ этихъ несчастныхъ случаяхъ, безпрестанно со мной повторявшихся, и разъ великій князь Константинъ самъ отвелъ меня на мое мѣсто, говоря: «Держись за меня крѣпко, чтобъ опять тебѣ не попасть въ бѣду». Впрочемъ, еще до меня, говорятъ, случилось зловѣщее происшествіе: съ рыцаремъ, изображавшимъ радость по поводу новаго воцаренія, отъ тяжести его золотыхъ доспѣховъ сдѣлалось дурно, и онъ упалъ съ лошади, что было принято суевѣрнымъ народомъ за дурное предзнаменованіе.

Въ заключеніе я вкратцѣ скажу, что новый Императоръ обращался со мной вѣжливо, на парадахъ и на аудіенціяхъ принималъ меня скорѣе холодно, чѣмъ любезно, но что, не смотря на все это, я былъ столь же восхищенъ имъ, какъ и новымъ несравненно болѣе изящнымъ убранствомъ его гвардіи.

Но самымъ счастливымъ обстоятельствомъ, ожидавшимъ меня лѣтомъ 1801 года, было рѣшенное Императрицею отправленіе меня обратно въ Германію для довершенія образованія.

Итакъ, послѣ шести богатыхъ содержаніемъ мѣсяцевъ, я снова воротился въ Карльсруэ, и этотъ первый шагъ въ обширный свѣтъ имѣлъ на мое ограниченное жизненное поприще тоже вліяніе, какое гораздо въ большемъ размѣрѣ имѣли Крестовые походы на судьбу юной Европы: они привесли съ Востока къ домашнему очагу стремленіе къ просвѣщенію.

---

[16]) Вотъ молодой принцъ, котораго любятъ до безумія. Изъ-за него даютъ себя убивать съ наслажденіемъ.